

Вадим Россик

**ПОСМОТРИ В ЛИЦО
СМЕРТИ**

Вадим Россик

Посмотри в лицо смерти

«Издательские решения»

Россик В.

Посмотри в лицо смерти / В. Россик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859084-9

...он встал на нетвёрдых ногах, подошёл к холодильному шкафу, подождал минуту, собираясь с духом, сказал себе: «Ты просто глянешь и сразу закроешь», а потом распахнул тяжёлую дверь. И увидел неопишное. Останки представляли собой настоящий кошмар. Невообразимо жуткое туловище, лишённое головы и конечностей. Бледная безволосая плоть. Из разрубленной грудной клетки, словно крючья, выпирали рёбра. Края длинной рваной дыры почернели и запеклись. Из обрубков рук и ног торчали ровно отпиленные кости...

ISBN 978-5-44-859084-9

© Россик В.
© Издательские решения

Содержание

Целых три пролога	7
Пролог первый. Сказ о Розе и Васильке	7
Пролог второй. Рыцари ночи	10
Пролог третий. Иван-Йоханнес	12
ЧАСТЬ I. Оля-маленькая	13
Первый понедельник	13
Первый вторник	24
Первая среда	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Посмотри в лицо смерти

Вадим Россик

Посвящается семье Поль

© Вадим Россик, 2017

ISBN 978-5-4485-9084-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

После выхода романа «Страна падонкаф» я получил много читательских отзывов. Очень разных. Некоторые писали мне, что не могут читать – слишком много грязи и ужасов. Другие возмущались – не мне, живущему за границей, критиковать Россию. Были и такие, кто честно признавался, что романа не читал и читать не будет, но он им не нравится. Одна читательница заявила, что грязи и ужасов хватает в повседневной жизни, поэтому она предпочитает книги о чистой любви, цветах и животных. Что ж, каждый из нас ежеминутно делает выбор, из которого складывается его жизненный путь. Но автор не виноват, он ничего не выдумал. К огромному сожалению, все персонажи, их облик, речь, поступки и окружающая среда – это рисунок с натуры. Наверное, приятнее читать о чистой любви, цветах и птицах, но гораздо полезнее иногда посмотреть на себя в зеркало. Может быть, тогда в нашей жизни станет меньше грязи и ужасов. Эта книга для тех, кто хочет изменить свою страну и свою жизнь в ней к лучшему.

Автор предупреждает, что все совпадения с реальными лицами или объектами являются лишь плодом вашего воображения.

Наш путь извилист, но перспективы светлые.

Мао Цзэдун

Основные действующие лица:

Витас, студент медицинского института

Иван-Йоханнес Кирш, житель Мюнхена

Аннушка, дочь Кирша

Отец Пётр Батутин (он же Петька-поп), сельский священник

Таисия Фёдоровна Батутина, попадьё

Оля Батутина (она же Оля-маленькая), дочь отца Петра и Таисии Фёдоровны. Сокурсница Витаса

Пашка Турбодур, весёлый парень с гитарой и младший брат Оли-маленькой

Перегнат Петрович Сиводедов, бывший парторг леспромхоза

Дотнара, «дочь трудового народа» и Перегната

Анатолий Николаевич Шеводранов (он же Толян), муж Дотнары и победитель районной олимпиады по химии

Оля-большая, рослая подруга Оли-маленькой

Дед Валентин, дедушка Оли-большой

Костя Ядерный, создатель экологического поселения. Отсутствует

Илларион, художник-оформитель из Санкт-Петербурга. Сторожит экологическое поселение отсутствующего Кости Ядерного

Алёнка, подруга Иллариона

Вовка Горохов (он же Горох), очень криминальная личность

Серёга Градобык, бывший лесоруб, а потому ну очень здоровый!

Рафаэль Хачапурян, хозяин придорожной шашлычной

Асмик (ударение на «а»!), верная жена и преданная помощница Хачапуряна

Флюра, энергичная бизнесвумен и хозяйка гостиницы

Капитан Николай Иванович Огурцов (он же Жираф), участковый

Настя (она же мадам Помпадур), жена и руководитель Огурцова

Сайфулла (можно Сайфулка), пастух

Занзигулька, дочь Сайфуллы

Славик Конюхович, чересчур упитанный юноша и технический гений

Чертовка, старушка неопределённого возраста и рода занятий

Виктор Александрович (он же Виксаныч), директор школы

а также:

жители Тюрлюка

Кони, коровы, овцы, козы, собаки, кошки, куры

Целых три пролога

Пролог первый. Сказ о Розе и Васильке

Давно это было, ещё при царях. В те стародавние годы на одном из уральских горных заводов служил приказчик из немцев. Карл Иваныч его звали. Этот приказчик в большой славе и богатстве был, но жил одиночкой. Жена Карла Иваныча померла при родах, оставив ему дочку по прозванию Роза. Нездешнее, конечно, прозвание. Приказчик был человеком строгим, гордым на битъё. Что ему не по нраву – ногами затопает, руками замашет, враз русский язык запомнит, что-то по-своему, по-басурмански, залопочет и всё – кажи спину. Спуску не давал. Одно слово – немец!

А Роза характером не в батю пошла – смешливая, словоохотливая, бойкая. На месте усидеть не могла. Любое дело у неё горело. Не девка, а ртуть.

Как-то Карл Иваныч взял к себе в дом одного сиротку с завода – помогать по хозяйству. На приказчиьем дворе прибираться, коров пасти. Всякую такую работу работать. Того парнишку кликали Васильком. Долговязенький да тощенький, в чём душа держится. Стал Василёк за скотиной ходить, в лесу травы и корешки собирать, которые от надсады, которые от ломоты, которые от зубов помогают. Это он для одной старушки старался. Была, скажут, на заводе старушка такая. На горе в лесной чаще жила. Народ её Чертовкой прозвал. Поговаривали, что та старушка с нечистой силой водится. Чертовка Васильку говорила время, когда трава полную силу имеет, он и собирал, а она из трав и корешков отвары варила, настойки готовила, мази мешала.

Долго ли, коротко ли выросла Роза девкой видной. Коса – ссиза-чёрная, алой лентой заплетённая. Глаза – зелёные, словно малахит, яркие. Росту она была среднего, из себя ладная. К той поре, как Роза заневестилась, Василёк на свежем воздухе и парном молочке тоже выправился. Вырос высокий да румяный, кудрявый да весёлый. С лица чистый, глаза бирюзовые, улыбка белозубая, ласковая. Не парень, а девичья сухота.

Многие заводские девушки заглядывались на Василька, но он глаз не сводил с Розы. Ну и, знамо дело, слюбились они. Карл Иваныч дочь в строгости держал, поэтому влюблённые стали встречаться по-тихому, гулять там, где никто их не увидит. Но добрая весть на улите едет, а злая молва на крыльях летит. Прознал про дочкину любовь Карл Иваныч, прознал и чуть рассудка не лишился. Перво-наперво посадил он Розу под замок, потом велел доставить к нему Василька. Однако, пока дворовые искали пастуха, приказчик чуть остыл, жадность в нём взыграла. Запороть-то наглеца до смерти дело не хитрое, а вот какую пользу он сможет из этого извлечь? Думал-думал и придумал.

Вскорости привели Василька. Бледного как снег парня поставили перед Карлом Иванычем. А тот глядит весело, скалит зубы по-волчьи и говорит шуткой:

– Ты что же это, нищесброд, на девичью красу даром глаза пялишь? За погляд-то ведь деньги берут. Иди-ка поближе. Поговорим маленько.

Ну, уселись они за стол. Карл Иваныч всё скалится:

– Вот что я решил. Найдёшь мне золотую жилу – отдам за тебя дочь, а не найдёшь – быть тебе битым. Даю три дня. Потом не взыщи – шкуру спущу. А Розу замуж выдам за купца. Пшэль!

Выскочил от приказчика Василёк ни жив ни мёртв. Где же искать ему золотую жилу? Тут-то и вспомнил он про Чертовку да скорее к лесной старушке. Так и так, обсказал ей Василёк условие Карла Иваныча. Та и призадумалась. Василёк тоже молчком сидел, на цветки, корешки да травы тарашился, что по всей избёнке навешены. Сам же их собирал.

Вдруг Чертовка проскрипела:

– Гляжу, не сладко тебе, дитёнок, житьишко-то задалось. Открытые цветы тут не помогут. Тебе нужен неоткрытый цветок. Слыхал про папору?

– Нет, бабушка.

– Папора – цветок колдовской. Он знает, где золотые самородки в земле лежат. Клады им открывают. Цветёт папора на Иванов день и всего один миг. Нужно успеть сорвать, пока черти не помешали. Сорвал, спрятал за пазуху и беги без оглядки.

Взмолился Василёк:

– Ты ведь, бабушка, всякий цветок в наших местах знаешь. Подскажи, где же мне папору искать? Ведь Иванов-то день как раз завтра!

– Ищи в траве на берегу реки.

– Как же я пойму, что это колдовской цветок?

– Увидишь – поймёшь. Но запомни, для человека он вредный.

– Чем вредный-то?

– Этого я и сама не знаю. Так моя прабабушка сказывала.

Вот на другой день к вечеру отправился Василёк к реке. По дороге насобирал целый веник листков да цветков, но всё больше из объеда: багульник да черемицу, омег да дурман-цветок, да резунов всяких.

Всю ночь ползал Василёк по берегу, рвал траву, искал колдовской цветок. Целое поле выполол руками, а всё напрасно. Лишь когда наступило утро, увидел Василёк посреди голой земли куст в половину своего роста. Куст был покрыт золотистыми бутонами в виде подков. Это взошла папора, указывающая, где золото родится.

Кинулся к кусту Василёк, себя не помня от радости, протянул уж было руки к нему, но то ли сам споткнулся, то ли нечистый ножку подставил, а только упал Василёк. Протёр запорошенные пылью глаза, проморгался, глядь – нет папоры! Не успел!

Вдругорядь отправился Василёк к Чертовке. А та уж знала о его беде. Сначала-то выбрала его, конечно. Потом сменила гнев на милость. Всё же Василёк много ей сноровлял. Проскрипела с укоризной:

– Осталось у тебя два дня, непутёвый. Папору ты проворонил, значит придётся Манючку использовать.

Проскрипела и достаёт из-за печки особенное существо – червяка в виде подковы с присосками.

– Зачем же мне этот урод, бабушка?

– Экой ты, дитёнок, бестолковый! Это манючный червь. Он тебе что хошь под землёй найдёт. Ну, всё как есть – золото, платину, самоцветы. Пустишь его ползать, а он там, где клад закопан, радужным цветом нальётся.

Не теряя времени, поспешил Василёк подальше в лес, шёл пока смеркаться не стало, наконец, выбрал поляну пошире, положил Манючку на землю. Сам сел рядом и наладился ждать, хоть и умаялся – ночь же не спал – когда диковинный червяк золотую жилу отыщет. Пока ждал, соскучился, прилёг на мягкую травку да незаметно для себя и заснул. И приснился Васильку удивительный сон. Будто стоит он на поляне, дивится. Под ногами его трава колыхается золотая, тонёхонько позванивая. В золотой траве цветы растут каменные – лазоревые, зелёные, белые, чёрные, красные... ну всякие. Которые из мрамора, которые из малахита, которые из змеевика-камня. Над цветами козявки разные огоньками сверкают, трепыхаются, как пляшут. Диво дивное, чудо чудное!

Стоит Василёк, разинув рот, глядит на это волшебство. Вдруг голос приказчика как гаркнет: «Не по той половине ходишь, нищеврод! Выбрось мою Розу из пустой головы!» Василёк-то разом и проснулся. Вскочил на ноги. Уже совсем темно в лесу, а во тьме будто звёздочка светится. Пошёл он на этот свет. Гляди-ка, Манючка в сторонке ползает и горит,

словно радуга. Обрадовался Василёк. Неужели нашёл-таки червяк золотую жилу? Приметил Василёк место, сунул уroda в котомку и ну бежать на завод. Да только слишком далеко забрался. Всю ночь плутал Василёк по горному лесу. А может, его нечистый водил? Как знать? Лишь к обеду добрался Василёк до приказчиьего дома. Зашёл он на двор и обомлел. Видит, неладное что-то. Плотник гроб мастерит, а рядом Карл Иваныч стоит чернее тучи. Заметил приказчик Василька и оскалился недобро:

– Опоздал ты, нищеврод. Сегодня четвёртый день пошэль.

Василёк еле вымолвил помертвевшими губами:

– Кому гроб-то, барин?

– Роза ночью вылезла в окошко, поднялась на скалу над рекой и бросилась вниз. Как нашли её – уж не дышала.

Услыхав про такое горе, помутилось в голове у Василька. Отчаянно закричал он, выхватил у плотника топор и одним ударом развалил приказчику голову. А после ушёл в лес да там и сгинул. Никто не посмел его остановить. С тех давних пор много смельчаков искало золотую жилу, из-за которой Василёк свою любовь проспал. Правда, никто так не нашёл. Многие из них пропали в дремучих лесах, а немногих находили мёртвыми. Вот заводские и заговаривали, что это Чертовка приставила Василькову тень ту жилу золотую стеречь.

Пролог второй. Рыцари ночи

Вечером пал туман. Он надёжно спрятал под своей белесой пеленой и трассу, и крутые склоны гор-великанов, заросшие густым замшелым лесом, и небольшую площадку, на краю которой притулилась шашлычная. В этот поздний час площадка пустовала, лишь перед самой шашлычной стоял одинокий автопоезд с казахстанскими номерами. Погода вогнала бы в депрессию даже счастливого идиота, выкурившего суперкосяк – темнота, плотный туман и холодный дождь. Начало осени больше походило на её конец. Громадные сосны мокли под потоками небесной воды, раскачиваясь и скрипя от порывов ледяного ветра, словно парусники в штормовом море. Во мраке торчали кусты, похожие на чудовищные траурные букеты. Впрочем, такая мерзопакостная погода для осеннего Урала – дело обычное.

– Желаете что-нибудь ещё?

Асмик, толстая, словно реклама средства для похудения («такой она была до...»), подмигнула покупателю лукавыми глазами, подёрнутыми влажной плёнкой. Непонятно, как ей удавалось подмигивать сразу двумя, но вот как-то удавалось. Покупатель – грубо отёсанный пожилой мужик с казахским лицом – скуластым и неподвижным, будто нарисованным на матрёшке – в ответ проворчал:

– Два блока сигарет покрепче.

– Рафик, два блока «Пегаса»!

Из подсобки вынырнул хозяин шашлычной Рафаэль Хачапурян – полный, солидной внешности представитель армянской диаспоры. Его макушку давно захватила обширная лысина, окружённая серебристым венком курчавых волос. Под мышкой Хачапурян держал два белых блока с крылатым жеребцом. Асмик принялась рассчитывать клиентов: сигареты, минералка, синтетические рулетки.

– Не шалят тут у вас рыцари ночи? – спросил Хачапуряна второй покупатель – юноша, похожий на пожилого казаха, как сын на отца.

Хачапурян растянул губы в фальшивой улыбочке:

– Не без этого. Будьте осторожны. А вы далеко путь держите, уважаемые?

– В Костанай.

– Далекое. Может, остались бы? Мы не закрываемся до полуночи. Поужинаете у нас, переночуете в своём «камазе», а как туман развеется и поедете.

– Спасибо, но нам нужно торопиться. Видите, какая погода, а плазма боится сырости.

– Не болтай, Эльмир! – оборвал словоохотливого юношу казах. – Пошли, нам пора.

Водители вышли из шашлычной, сели в красный «камаз», завели его и растаяли в тумане. Когда шум автопоезда стих, Хачапурян достал из кармана сотовый телефон. Асмик боязливо сморщила носатое лицо:

– Будешь звонить Гороху?

Не отвечая, Хачапурян повернулся к супруге спиной и быстро проговорил в мобильник:

– Привет, дорогой. Красный «татарин», Казахстан, телики. Работаем.

В двух километрах от шашлычной в лесу у начала длинного, как кишечный тракт травоядного животного, подъёма притаился микроавтобус с потушенными огнями. Самый обычный «увазик-буханка». На обоих бортах неброская славянская вязь: «Упокой-сервис». Номера покрыты толстым слоем глины. Внутри находились трое. Двое в салоне курили. Водитель грыз семечки, вглядываясь в туман.

Получив наводку, Горох отключил мобильник.

– Внимание, пацаны! Красный «камаз» из Казахстана с телевизорами. Всё, как обычно. Я за рулём, ты, Градобык, вынимаешь, а ты, Турбодур, принимаешь. Как говорится: лучше сорок раз по разу, чем ни разу сорок раз.

Не договорив, Горох поперхнулся и зашлёлся мокрым кашлем. Когда-то он был отличным спортсменом – чемпионом колонии по нардам. В связях не порочащих его замечен не был. Образован: знал слово «калокагатия¹», но думал, что это научное название поноса. Год назад у старого каторжанина обнаружили туберкулёз – тубик. Теперь Горох медленно загибался. Вряд ли кто-либо сумел бы точно определить возраст этого человека. Когтистые руки в синих татуировках. На шее толстая золотая цепь. Седые с лисьей рыжинкой волосы напоминали тлеющие под пеплом угли. Несмотря на крайнюю худобу, постоянное выражение едва сдерживаемой ярости придавало ему опасный вид.

– Тихо, братан! Кажись, едет, – пробасил Градобык – обросший, как мамонт, брюнет баскетбольного роста. Косматая борода, нависшие надбровные дуги, мощные выпирающие челюсти, «клюв вдовца» над низким лбом. Сразу видно, что не сверхинтеллектуал.

Горох прижал бумажную салфетку к серым зарослям усов. Остальные насторожились. Действительно, послышался рокот мотора. Через минуту, раздвинув кулисы тумана, появилась красная кабина. Впрочем, во тьме она казалась почти чёрной. Натужно ревя, «камаз» стал медленно подниматься в гору. Когда он миновал «увазик», Горох включил ближний свет, выехал на трассу и пристроился позади «казахстанца». Тяжелогружённый автопоезд едва полз, рыча и стреляя густым дымом. По сигналу Гороха здоровяк Градобык выскочил наружу через боковую дверь салона. Самый молодой – Турбодур – занял место в открытой двери и закрепил её, чтобы не болталась. Теперь можно было работать.

При слабом свете фар «увазика» Градобык повозился с полуприцепом и распахнул одну из створок его дверей. Полуприцеп был доверху забит большими плоскими коробками. Не мешкая, Градобык начал хватать коробки и в бешеном темпе передавать Турбодуру, который складывал их в «увазике».

– Давайте быстрее! Подъём скоро закончится, – крикнул Горох парню. Тот махнул Градобыку – мол, закругляйся. Градобык захлопнул створку и залез обратно в «увазик». Здоровяк с трудом переводил дух. На нём не было сухой нитки.

– Переоденься, – велел Горох. – Слышь-ка, Турбодур, плесни ему водки. Пусть выпьет, а то ещё помрёт от простуды.

Автопоезд, наконец, достиг верхней точки подъёма и начал спускаться. «Увазик» некоторое время ехал за ним, постепенно отставая, а потом, никем не замеченный, свернул на боковую дорогу.

¹ Калокатия – в древнегреческой культуре – гармоничное сочетание физических и нравственных достоинств.

Пролог третий. Иван-Йоханнес

Иван проводил глазами, проехавший в темноте мимо окна заляпанный грязью «увазик» с надписью «Упокой-сервис» и усмехнулся: «А вот интересно, встретить ночью машину для перевозки покойников – это плохая примета?» До чего же дошёл прогресс! Представить только, ещё утром он, Йоханнес Кирш, был у себя в Мюнхене, а вечером он, Иван-блудный сын, сидит в горном уральском селе в бревенчатой избе, курит горький «Беломор» и любуется замызанной труповозкой.

– В общем, располагайся, – перебил мысли Ивана отец Пётр. – Переночуешь один. Завтра дочка должна приехать. И не одна, а с хахалем! – отец Пётр дурашливо потянул себя за жидкую бородёнку. – Оленька надумала погостить с неделку. У неё занятия в институте начинаются в октябре. Вот завтра и соберёмся вместе да посидим как следует. Не бойся, не с мёдом и акридами. Моя разлюбезная Таисия Фёдоровна пельменей налепит, бутылочку зелёного змия поставит. Там и поговорим обо всём. И о твоей золотой жиле тоже. Ну, Ванька, истинно удивил! Мы же с тобой двадцать лет не виделись. Так как тебе такая программа? Договорились, сын мой?

– Договорились, отец мой!

Засмеявшись, Иван хлопнул священника по плечу. С Петькой Батутиным они дружили с детства. Вместе ходили в школу, лазили по окрестным горам, собирали грибы и ягоды, ловили ящерок. Играли, ссорились, мирились, иногда дрались.

– Дождь вроде бы кончился, – глянул в окно отец Пётр. – Вот и славненько! Пойду-ка я к своей матушке Таисии. Пора почивать от трудов праведных. Храни тебя Господь, герр Йоханнес.

Священник перекрестил Ивана и вышел в сени. Хлопнула дверь, протопали шаги к воротам, скрипнула калитка. Всё, ушёл. Пережидая, пока старый друг отойдёт подальше, Иван отыскал в чемодане письмо, которое и привело его в родное село, бережно расправил, спрятал во внутренний карман пиджака. Так, теперь папиросы, зажигалка. Он пойдёт прямо сейчас. Зачем откладывать в долгий ящик то, ради чего приехал? Всё равно уснуть он не сможет.

«Зря я, наверное, сболтнул Петьке про золотую жилу, – мелькнуло запоздалое раскаяние. – Хоть и друг детства, но... Деревня же. Теперь начнутся пересуды. Ладно, сказанное не воротишь».

На улице Иван прислушался. Ночную тишину полуночного часа нарушали лишь обычные звуки деревни: размеренная трель сверчков, лай собак, унылый хор лягушек у реки. Река-то вот она – рядом. Выйди из ворот, перейди через дорогу и окажешься на берегу. Хорошо хоть тумана нет. По радио говорили, что на трассе туман.

Зябко передёрнув плечами от холода, Иван двинулся вдоль улицы. С одной стороны тянулась вереница сырых заборов, с другой журчали ледяные воды. Луна, казалось утратившая свою материальную природу, превратилась в один тусклый свет, который едва освещал спящее село. Опять начал накрапывать дождь. Неприятно, мрачно, прохладно. Иван замедлил шаг. Спешить тоже ни к чему. Нужно ещё собраться с духом.

ЧАСТЬ I. Оля-маленькая

Первый понедельник

Гул двигла напористо долбился в уши. Витас брезгливо стяхнул с коленей белесый порошок и с неудовольствием уставился в окошко автобуса. После вчерашнего ливня скупое уральское солнце всё-таки успело просушить дорогу, посыпанную какой-то светло-серой дрянью. Колёса автобуса вздымали эту дрянь в воздух и она невесомой пылью проникала в каждую щель, покрывая всё и вся тонким слоем. Салон провонял выхлопными газами. Добрая половина пассажиров всю дорогу лузгала семечки, интеллигентно сплёвывая шелуху в кулёчки, экспромтом свёрнутые из газеты. У кабины туристы нестройно канючили под гитару о даях, туманах, кострах, рассветах и закатах. На заднем сиденье пьяная компания гогоча резалась в карты. Дополнительный нервяк доставлял истошно оравший грудничок.

Чтобы изолировать себя от неблагоприятной окружающей среды, Витас вставил в уши наушники и включил Найт Раннер – трек из «Небольшого ДТП». Мрачная музыка донельзя соответствовала его настроению. А что? Не баррикады же строить и коктейли Молотова метать?

Оля-маленькая сладко посапывала, привалившись кудрявой головкой к плечу Витаса и смотрела карамельные сны. Между её плотно сжатых ног торчала гитара в чехле. Витас вздохнул. Оле-маленькой вся эта экзотика нипочём. Местная. А он устал, проголодался и дико хотел курить. В голове зарождалась тупая боль. Они были в пути уже свыше шести часов. Ход событий: сначала одним ржавым механизмом для перевозки многалюдей из Мухачинска до райцентра, потом другим ещё ржавее – из райцентра в Тюрлюк. Зря он дал себя уговорить однокурснице провести неделю в горах. Тем более, что и мать была против. Он поехал просто из дурацкого чувства противоречия. Ну не живётся ему спокойно! Сидел бы сейчас дома, играл в компьютерные игры или слушал музыку, а мать бы готовила бешбармак. Тепло, светло и мухи не кусают, но нет – видите ли захотелось вдохнуть чистого деревенского воздуха, полюбоваться горящими в печке дровами, выпить чаю с вареньем из крыжопника, послушать кукареканье петухов. В общем, глупые фантазии интоксцированного заводскими выбросами горожанина. Тьфу!

Автобус трянуло. Оля-маленькая открыла глаза, уселась прямо и потянулась, жутко треща суставами. Витас покосился на свою спутницу. Невысокая, сбитенькая, короткие каштановые кудряшки, смешливая с вечной улыбкой на остреньком личике и, когда не спит, уж такое крутое колесо – на месте не посидит ни секунды. Отличница, спортсменка, староста группы. Вообще-то, ничего особенного, но она нравилась Витасу. Впрочем, как нравится молодому парню каждая симпатичная девушка. Они сблизились на последнем курсе, стали встречаться. А что думала Оля-маленькая о нём, Витаса интересовало мало. Он выключил плеер и вынул наушники из ушей.

– Оля, долго ещё будут продолжаться наши покатушки?

Оля-маленькая посмотрела на наручные часики.

– С полчасика.

Витас скривился:

– Я не выдержу ещё полчасика в этом газенвагене.

Засмеявшись, Оля-маленькая ткнула его кулачком.

– Держись, студент. Ты же мужчина! Зато увидишь настоящие Уральские горы. Седой Урал. Там так классно! Я обожаю Тюрлюк! Это ведь моя родина!

– Часто там бываешь?

– Летние каникулы провожу с родителями и на Новый год всегда приезжаю. Знаешь, как здорово здесь зимой? Видишь тех туристов? В Тюрлюк приезжают любители дикой природы даже из Москвы, не говоря уж о соседних областях. Живут в палатках или в гостиницах. У нас штук шесть гостиниц открыли и всё новые строят.

Витас поморщился. Из-за чего такие неумеренные восторги? Пока что он не видел ничего достойного внимания. Узкая гравийная дорога, изначально гладкая, но теперь усыпанная ямами, ямками и ямочками, словно воронками от снарядов лилипутской артиллерии, нарезала бесконечные повороты среди густого леса, одетого в жёлто-зелёный наряд. Причудливое сочетание сосен, берёз, осин, елей, пихт, ив, можжевельника. Впрочем, весьма тоскливое, однообразное зрелище. Осенняя однотонность уже сменила летнее пестроцветье. Гор, кстати, вообще не видно. Ну и отчего здесь пищать от восторга ультразвуком?

Рыча, автобус продолжал преодолевать километр за километром. Лес за окнами всё мелькал и мелькал, будто разматывался огромный рулон туалетной бумаги. Вдруг деревья расступились. Оля-маленькая показала на обширную поляну, заросшую высокой травой.

– Смотри. Раньше на этом месте была деревня в полста дворов. В ней родились мои дедушка и бабушка. Потом они перебрались в Тюрлюк.

– Ты говорила, что мы остановимся у твоей бабушки?

– Да, только бабушка умерла. Дом пустует. Я всегда живу в нём, когда навещаю родителей. Не хочу их стеснять да и за старым домом нужно приглядывать. – Оля-маленькая улыбнулась. – Предупреждаю, жить мы будем не одни. Вчера должен был приехать из Германии один папкин старый друг и папка хотел поселить его тоже в доме бабушки.

– Что ещё за друг?

– Иван Киш. Папкин одноклассник. Он давным-давно уехал из Тюрлюка в Германию. С того времени Иван ни разу здесь не был. Они с папкой лишь обменивались открытками по праздникам, а тут он вдруг надумал приехать. Ностальгия замучила, что ли?

– А у него родственников здесь нет?

– Никого нет. Иван и родителей забрал в Германию.

Тем временем, автобус выехал на перекрёсток. Устало отдуваясь, он медленно свернул налево. Здесь лес освободил пространство для ерошившихся кочками выгонов. Выгоны оголаживали покосившиеся плетни. За плетнями бродили задумчивые коровы. Среди крупного рогатого скота возвышался верхом на лошади скуластый пастух в треухе и сером выцветшем ватнике. Несмотря на затрапезный вид, всадник внушал уважение своей окаменелостью. Настоящий сын степей. А вокруг по всему горизонту поднимались горы.

– Ну вот. Почти добрались. Налево – Тюрлюк, направо – Кордон, – проговорила Оля-маленькая, жадно вглядываясь вперёд. – Видишь дома?

Витас не ответил. Он во все глаза смотрел на горы. В фантазиях они представлялись ему такими великанами в белых малахях, но эти горы были больше похожи на ободранные стены. Никакой романтики.

– Это Нургуш, там Зигальга, там Иремель. А на той стороне за Иремелем уже Башкирия.

– Ну и названия.

Оля-маленькая расхохоталась:

– А ещё есть Синяк, Большая Сука и Большой Шантрапай!

Витас вздохнул. Во мгла!

Сайфулла не обратил внимания на автобус – дымящую рухлядь, отравляющую воздух Тюрлюка два раза в день. Обветренное лицо Сайфуллы с кожей подобной растрес-

кавшей корке вулканической лавы, оставалось неподвижным. Крошечными островками жизни в этой намертво выжженной, безнадежной корке оставались лишь глаза – почти чёрные с коричневой каёмкой. В них можно было различить тот отблеск гордости, то сияние силы, которое делает мужчину мужчиной и к которому инстинктивно тянутся женщины. На губах Сайфуллы застыла невозмутимая полуулыбка. Полуулыбка прятала двусмысленность. Что это – доброжелательная ухмылка или злобная усмешка? Не поймёшь.

Сайфуллу занимали житейские заботы. Коров в селе с каждым годом становилось всё меньше. Его пастушьи доходы сильно припали, а на жизнь требуется много денег. Жильё, питание, дочь вот приехала. Занзигулька растёт. Скоро надо будет выдавать замуж. Тоже немалые расходы.

Конь вскинул голову и переступил ногами. Сайфулла похлопал Шевролета по шее. Замри, скотинка! Дело прошлое, но это из-за него Сайфулле сломали три ребра, выбили два зуба, рассекли щеку... Прошло два года, а шрамы до сих пор не зажили да и не заживут уже никогда. Особенно шрамы на сердце.

Сайфулла вспомнил ту страшную ночь, когда он попытался украсть Шевролета. Стал вором, конокрадом. Как он дошёл до жизни такой? Очень просто. Жена выгнала его из дома. Велела ему больше на глаза не показываться. Сам виноват, конечно. Пить надо было меньше. Но что сделано, назад не вернёшь. Так оказался Сайфулла на улице. Бомж. Пришлось ему побродяжить. Хлебнул он тогда лиха. Пешком протопал от родного Башкортостана до Тюрлюка. Через горы. Хорошо, что было лето. Зимой бы точно замёрз. В ночной тьме он прокрался в село. Ноги горели, словно поджаривались на мангале, подгибались от усталости и голода. А тут конюшня. Слышно было, как за стеной фыркает конь. Наверное, шайтан шепнул ему на ухо, что это его шанс. Дальше можно не ковылять, морщась от боли. Он поскачет, словно хан. С лошадьми-то Сайфулла, можно сказать, вырос. У родителей была пара добрых коников. Забрался в конюшню, накинул уздечку, хотел вывести Шевролета по тихому, ан нет – почуял проклятый чужую руку, заржал, встал на дыбы, начал биться. На шум причался хозяин коня Перегнат Сиводедов, поднял крик. Сбежался народ и ну дубасить Сайфуллу. Обычное дело. Спокон веку на Руси конокрадов били смертным боем. Сначала-то врезали пару раз, как бы нехотя, но постепенно мужики разогрелись, разъярились да ещё Перегнат орал, будто безумный судья: «Убейте татарина!» Тогда принялись бить всерьёз. Особенно старался Серёга Градобык. Это он рёбра сломал. Сайфулла, конечно, тоже не хлюпик, но куда ему, полумёртвому от усталости, было выстоять против Градобыка с сотоварищи. Он уже прощался с жизнью, но его спас Петька-поп, как все тут за глаза называют священника. Петка-поп с трудом остановил побоище, довёл Сайфуллу до своего дома, уложил на лавку. Сайфулла прошептал разбитыми губами, что ему нужна шкура. Какая угодно – лошадиная, коровья, собачья. Лишь бы свежая. На его счастье, кто-то из соседей недавно резал скот. Сайфулла завернулся в коровью шкуру, остро воняющую кровью, страхом, смертью и затих на сутки. Никто не верил, что конокрад выживет, но через два дня он встал. Через неделю был почти здоров.

Сайфулла хотел покинуть негостеприимный Тюрлюк как можно быстрее, однако Петька-поп уговорил односельчан нанять бомжа пасти коров. Прежний-то ковбой сгорел от водки. Сельчане рискнули и Сайфулла начал карьеру пастуха. Жить он стал на отшибе в сарайчике за кладбищем, который он переоборудовал в жилое помещение – законопатил щели, перестелил полы, починил крышу, установил железную печку. Стал работать на общество. Постепенно привык, обжился. К водке не притрагивался. Как-то осенним вечером стало так одиноко, что написал домой. Честно сказать, хотел узнать, можно ли вернуться. Альфия не ответила. А полгода назад к нему приехала Занзигулька. Оказывается, дурочка поругалась с матерью. Шестнадцать лет – трудный возраст. Приехала да так и осталась. Иногда помогает отцу, а чаще без дела болтается. Да и что ей здесь делать? В общем, обжился

в Тюрлюке Сайфулла, привык, а про Перегната не забыл. Его крик «Убейте татарина!» так с тех пор в ушах и стоит. Петька-поп учил Сайфулла, что нужно за зло платить добром. Нет уж. Если платить добром за зло, то чем тогда платить за добро? Добром нужно платить за добро. Дело прошлое, но Аллах даст, Сайфулла ещё отомстит. И мало не покажется. Первое большое горе уже настигло Перегната. Первое, но не последнее. Сайфулла об этом позаботится.

Преодолев длинную улицу, автобус вполз на площадь перед церковью и остановился возле хлипкой будки, как видно изображавшей остановочный павильон. В глубине будки крупными коричневыми мазками было криво намалёвано: «Все бабы – козлы и пидорасы!». Кроме основного вывода стены украшало множество шаржей и надписей на тему «ниже пояса». На остановке кучковались встречающие. В стороне девочки прыгали через скакалочку. Детишки помладше с воплями гонялись друг за другом. У кучи мусора возились тощие пришибленные собаки.

Завизжав, двери автобуса открылись. Толкаясь, переругиваясь и охая, поток пассажиров, отягощённый рюкзаками, баулами, мешками, корзинами, коробками, детьми, двинулся на выход. Витасу показалось, будто в этот момент народу в автобусе стало в два раза больше, чем мест.

– Я как-то читал, что однажды в Таиланде из шестнадцатиместного микроавтобуса вышел сорок один человек, – ехидно заметил он Оле-маленькой, пропихиваясь к дверям.

Наконец, Оля-маленькая и Витас выбрались из автобуса, положили свои спортивные сумки на землю и смогли закурить. Жадно втягивая в себя никотиновый дым, Витас огляделся. Вокруг ни одного знакомого лица. Одни разношёрстные аборигены.

– Оля, салют! Гитару привезла?

Парнишка, подстриженный тюремным ёжиком, выхватил из рук Оли-маленькой гитару. Не обращая внимания на удивлённого Витаса, парнишка отскочил подальше от девушки и скорчил дебильную рожу. Оля-маленькая сказала с таким сконфуженным видом, будто называла позорную болезнь:

– Это мой младший брат – Пашка. Или его точная копия. Не обращай внимания. Он всегда такой дурак.

Пашка захохотал:

– Оля, не будь злобной Буратиной.

Витас пробормотал:

– Витас.

Пашка дружелюбно потряс ему руку.

– Что это за имя такое – Витас?

– Литовское.

– Тоже студент? Ну, как вы там учитесь? Бухло, студентки, все дела? И каким же метеоризмом тебя сюда занесло, братан? Тут ведь скука смертная. Село!

Витас не нашёлся, что ответить, да Пашка и не слушал.

– По телеку показывали, как зимой у вас в Мухачинске метеорит упал. Видел его?

– Нет. Я на окраине живу.

Пашка разочарованно оглядел Витаса.

– Тогда я пойду. Не терпится гитару попробовать.

Положив гитару на плечо, Пашка зашагал в сторону церкви.

«Ветер тебе в парус! – обиженно подумал Витас, покосившись на сложенные у ног сумки. – Мог бы и помочь».

За его спиной новый голос приветливо произнёс:

– Приветик, подружка!

Витас обернулся. К ним спешила высокая, как колокольня, круглолицая девушка с носиком-запятой. Девушка была одета в модную, до талии, красную курточку, голубые джинсы и обута в оранжевые резиновые сапоги с грубо намалёванными на голенищах жёлтыми подсолнухами.

– Приветик, подружка! – обняла незнакомку Оля-маленькая. – Познакомься, Витас. Это Оля-большая. Нас так в школе прозвали. Я – Оля-маленькая, а она – большая.

Говорят, что некрасивых женщин не бывает. Бывает слишком мало водки. Оля-большая как раз подходила к варианту с водкой. Она окинула Витаса оценивающим взглядом: хорошенький блондинчик, даже брови светлые. Городская стрижка «гитлерюгенд». На подбородке модная небритость. Сейчас трёхдневная щетина у городских мужиков стала модной. У деревенских-то она никогда из моды не выходила. В общем, типичный интеллигент в беретике с червячком.

– Тётя Тая попросила меня встретить вас. Дяди Пети сейчас нет в Тюрлюке, а на Пашку она не надеялась. У него одни гитары на уме.

– Как так? Где же папка?

Девушка-колокольня выпучила голубенькие глазки.

– Ой, Олька! Тут у нас такое случилось. Мама дорогая! Вчера умер его друг. Ну тот, который из Германии приехал.

– Иван?!

– Ну да. На рассвете пастух Сайфулка собирал коров в стадо и нашёл его мёртвого у реки. Сайфулка поскакал к участковому Огурцову. Ты же его знаешь, Огурцова нашего? Жирафа-то? Жираф приехал на велосипеде, поглядел, велел Сайфулке сторожить место преступления и никого не пускать, а сам полетел на Кордон к телефону; позвонил в полицию. Потом явились полицаи из райцентра. В общем, только недавно они тело увезли в райцентр и дядя Петя с ними уехал. Говорят, несчастный случай. Поскользнулся, мол, на мокром камне да виском о другой камень и грохнулся. Голова вдребезги. Представляешь?

– А мамка где?

– Тётя Тая-то? Ждёт вас в бабушкиной избе.

Нежилец стоял на площади. Он делал вид, что смотрит на малолетних сыкух, прыгающих через скакалку, но на самом деле разглядывал белокурого парня в джинсовой куртке, который курил на остановке. Так вот он какой – причина смерти двух человек. Ничего, Судья уже вынес ему приговор. Скоро Палач сделает свою кровавую работу, этот парень умрёт и тогда кошмар, наконец, закончится. Нежилец не чувствовал в себе жажды убийства, но это было необходимо сделать ради живых и мёртвых.

Бабушкина изба, как и горы-заборы, тоже не создавала романтической атмосферы. Просто ветхая неприветливая хоромина в три оконца с бледными резными наличниками, сложенная из почерневших брёвен. Ни намёка на палисадник. Площадка перед воротами заросла травой. От проезжей части площадку отделяла цепочка камней, натасканных от реки. Такими отполированными ледяными водами камнями был усыпан не только берег, но и русло. В этой картине была какая-то первобытная грусть.

– Наш Тюрлюк не глубокий, всего-то по колено будет, но холоднющий – кошмарики! – проговорила Оля-большая, заметив взгляд, который Витас бросил на реку.

– Зато в нём самая чистая вода, которую я пила, – заметила Оля-маленькая. – Буду возвращаться, возьму с собой канистру.

Перед воротами Оля-большая попрощалась с ребятами:

– Споки-ноки, чмоки-чмоки! Приходите завтра после ужина к Косте Ядерному. Там все наши собираются. Посидим, поболтаем, Пашка на гитаре потренирует. Придёте?

– Конечно, – улыбнулась Оля-маленькая. – Споки-ноки, чмоки-чмоки, подружка!

Чавкая оранжевыми сапогами по грязи, Оля-большая ушла. Витас с сожалением посмотрел на свои насквозь промокшие кроссовки всемирно известной китайской фирмы «Абибас». Оля-маленькая отворила скрипучую калитку ипустила Витаса, нагруженного сумками, во двор. Поднялись на крылечко, украшенное деревянными завитками, толкнули незапертую дверь. В жарко натопленной избе их встретила невысокая, пышная, как сдобная булочка, женщина в тёмно-коричневой одежде. При виде дочери Таисия Фёдоровна всплеснула руками, чьи ногти никогда не знали лака.

– Оленька! Доча! Славатехосподя, а мы уж заждались!

– Мамулечка!

Оля-маленькая с разгону кинулась в объятия матери. Лунообразное лицо попадья расплылось в радостной улыбке, обнажив крепкие, как у бобра, зубы. Она посмотрела на Витаса.

– Так вот ты какой. Оленька много о тебе рассказывала.

Витас смущённо кивнул, не зная, что сказать.

– Устали, небось, ребятки? Кушать будете?

– Будем, – ответила Оля-маленькая. – А что у тебя есть вкусенького?

– Омлет с крабовым филе не обещаю, но жареной картошечкой с салом накормлю.

Вооружившись большой ложкой, Таисия Фёдоровна принялась раскладывать картошку по тарелкам с облезлой позолоченной каёмкой. Витас провёл рукой по своим волосам и обнаружил, что они превратились в жестяную щётку.

– Простите, а где у вас можно умыться?

Попадья показала ложкой на дверь.

– Умывальник в сенцах. Там же ручник и чистое ведро. Возьми ведро, принеси воды и умывайся, сколько душеньке угодно.

– Ручник?

– Полотенце! – засмеялась Оля-маленькая.

– А где колодец?

Таисия Фёдоровна добродушно удивилась:

– Зачем здесь колодец, милый? Река же рядом.

Попадья опять занялась угощением. Витас шепнул Оля-маленькой на ухо:

– Ну а хоть примитивная канализация в этом чертоге имеется? По-моему, я созрел.

– Откуда? Наверно, слышал приговорку: «Как говна за баней?» Это наша уральская приговорка, потому, что здесь отродясь туалеты не строили, ямы не копали – ходили за баню.

– А где у вас баня?

– Бани у бабушки не было. Завернёшь за дом, увидишь сарай. Заходишь. На левой стене на гвоздике висит туалетная бумага. Рядом с ней стоит лопата. На земле лежат две доски. Теперь инструкция по применению. Выкопашь лопатой между досками ямку и вперёд. Только потом не забудь обратно закопать.

Витас поморщился. Во мгла!

Слышно было, как, звеня ведром, дочкин ухажёр вышел на улицу в сгущающиеся сумерки. Таисия Фёдоровна повернулась к Оле-маленькой и погрозила пальцем:

– Он, конечно, смазливый парнишка, но ты, доча, себя блюди. Знаешь, как у нас говорят: «Парень плачь и проси, а девка плачь и не давай».

Оля-маленькая засмеялась:

– Да ну тебя, мамулечка! Девочки сейчас не в моде.

Попадья со вздохом предупредила:

– Ох, смотри, доча! Чует моё сердце, наплачешься ты с этим Витасом. Чересчур он смазливый.

– Любовь зла.

– Беда не в том, что ты полюбишь козла, беда в том, что козёл может полюбить тебя. Научись сначала трём свиньям пойло делить, а потом уж с парнями хороводься. Кофею вам сварить?

– Конечно! Я так соскучилась по твоему кофе, мамулечка! В городе такого нет.

Таисия Фёдоровна поставила на маленькую электроплитку закопчённую кастрюльку с молоком. В Тюрлюке кофе всегда варили в молоке и другого способа не признавали. Возясь с плиткой, попадья бурчала:

– Недоброе ты время выбрала для визитов, доча. У нас ведь теперь что ни день, то несчастье. Недавно Дотнара, дочь Перегната, убилась. Только-только отплакали и на тебе – вчера вот Иван голову разбил. Теперь придётся хоронить его в закрытом гробу. Совсем оставил нас Отец Небесный своей милостью.

Оля-маленькая нахмурилась:

– Тётка Дотнара убилась? Обалдеть! Как же это случилось?

– Вечером поругалась со своим Толяном, а наутро нашли её под скалой всю переломанную. То ли сама руки на себя наложила, то ли помог кто – о том один Господь ведает.

– Ну и дела... – протянула Оля-маленькая. – А что полиция сказала?

– Какая у нас тут полиция, доча? Один участковый. Жираф этот, простихосподя.

– Так дознание не проводили?

– А как же! Провели дознание по всей форме, только ни до чего оно не дозналось. Толян после ссоры уснул. Напробовался он тогда своей самогонки, из-за этого и поругались. Ужрался так, что аж лёжа шатало. А Перегнат у себя дома сидел, ничего не видел и не слышал. Он, как жену похоронил, к Дотнаре и Толяну почти не ходил. Сердился на них.

– За что?

– Да за всё. Что Толян пьёт беспробудно. Что дочь за такого алкаша замуж вышла. Что внуков нет. За всё, в общем.

– А почему у этих Сиводедовых такие отстойные имена: Перегнат, Дотнара?

Таисия Фёдоровна с досадой махнула полной рукой:

– Эта дурь у них ещё со старого Сиводедова пошла. Очень ему революционные имена нравились. Тогда лозунг такой был: «Догнать и перегнать Америку!» Сначала-то старый Сиводедов хотел назвать сына Догнатом, но потом передумал и назвал Перегнатом. Перегнат тоже сильно партийным был. В леспромхозе партторгом числился. Ну и нарёк дочь Дотнарой – мол, «дочь трудового народа».

– Надо же, – заулыбалась Оля-маленькая.

– Да это ещё что. Перегнат говорил, что, если у него ещё одна девочка будет, то он назовёт её Даздрасмыгдой – «Да здравствует смычка города и деревни!», а следующую – Валтерперженкой – «Валентина Терешкова – первая женщина-космонавт».

– А если бы родился мальчик?

– Тогда Кукуцаполь – «Кукуруза – царица полей».

– Жесть!

Действительно, за бабушкиным домом Витас обнаружил огромный сарай без передней стены. Сразу за ним начинался подъём, покрытый сосновым лесом, дальше превращающимся в непроницаемо чёрную стену. Снаружи сарай, словно колючей проволокой, зарос дроздом, сорняками и вечно зелёной крапивой, внутри строение застилала полутьма. Витас вошёл, отмахиваясь от паутины. Большую часть сарая занимали дрова, смутно вырисовывающиеся в полутьме. Здесь было сыро и много дерева – для людей-бобров в самый раз. Осторожно поставив на землю ведро с прозрачной водой из реки, Витас снял с гвоздя рулончик туалетной бумаги, повертел в руках. Рулончик разбух от влаги, слипся и больше не желал разматываться. Пока вертел бумагу в руках, задел лопату, прислонённую к стенке. Лопата упала и негостеприимно стукнула Витаса по ноге. Он выругался. С тоской посмотрел на две доски, втоптаные в землю. Захотелось впасть в отчаяние.

Организм настойчиво напомнил о своих потребностях. Вооружившись лопатой, Витас принялся проделывать предписанные манипуляции. Быстро смеркалось. Долгий нудный день подходил к концу.

Закончив свои дела, Витас опять взялся за лопату. У него разболелась голова. Вдобавок горло тоже начало саднить. В носу противно свербило. Витас несколько раз чихнул. Так и знал – простуда. Видимо, его продуло в газенвагене. Поковыряв землю, он подхватил ведро с водой и вышел из сарая. Солнце уже почти скрылось за горами. В нависшем над головой тёмном небе медленно, как инвалиды на прогулке, плыли грозовые тучи. Вот-вот с небес могла хлынуть вода. Зыбкие, глубокие тени, начисто лишённые определённой формы, устилали пустынный двор. Свежий холодок щипал щёки. Пропитанный запахом хвои воздух полнил грудь.

Витас медленно побрёл к крыльцу, стараясь не плескать воду себе на ноги. По дороге он несколько раз непроизвольно оглянулся. Ночной ветер кружил опавшие листья, тяжело вздыхал в сосновом лесу. Непонятные шорохи раздавались за спиной. Вот опять! Что-то негромко треснуло, словно кто-то наступил на сухую ветку. Хотя откуда в этой слякоти сухие ветки? Вот как будто покатился камушек. «Что это?» – спрашивал себя Витас с бьющимся сердцем. На память пришли страшные сказки о леших, домовых, не вовремя вспомнилась умершая здесь Олькина бабка. С тех пор, как он вышел из автобуса, Витаса не покидало странное ощущение. Ему всё время казалось, что кто-то пристально за ним наблюдает.

В бабушкиной избе было тепло, ярко горел свет, пахло жареной картошкой, по радио едва слышно матюкалась группа «Ленинград», на комодике тикал круглый будильник. Оля-маленькая сидела за круглым столом, накрытым свежими газетами. Ждала, подперев руками остренький подбородок.

- А мать где? – хрипло спросил Витас. Горло уже горело, как натёртое песком.
- Домой ушла. Будешь коньяк?
- Наливай.

В последнее время мать Витаса пристрастилась к краснодарскому коньяку, который цистернами привозили на кондитерскую фабрику для пропитки тортов. Распробовав чудесный напиток с солнечного юга и многократно убедившись в его высоком качестве, кондитеры, для пополнения своего скудного бюджета, начали понемногу продавать его на сторону. Мать Витаса приобретала коньяк за полцены у своей знакомой, муж которой работал на кондитерке.

Оля-маленькая достала из сумки пластиковую бутылку с этикеткой «Кока-Кола» и поставила на стол две рюмочки толстого стекла.

- Сколько наливать?
- Ты что, краёв не видишь?

Разлив коньяк по рюмочкам, Оля-маленькая подняла свою.

– Ну, за здоровье!

– Ага.

Они выпили и принялись за горячую еду. После ужина разрумившаяся Оля-кивнула на узкую кровать в углу, застеленную серым одеялом.

– Тебе туда.

– А ты где ляжешь?

Оля-маленькая улыбнулась:

– Я на печи. Там теплее.

Витас был рад тому, что спутница не пыталась его соблазнить. Вообще, их отношения застряли в конфетно-букетном периоде и Витас не хотел форсировать события. Дальше всего они с Олей зашли на восьмое марта. Он приехал к ней в общежитие, подарил цветы и недорогие серёжки из серебра, которые с тех пор всегда были у неё в ушах. Потом распили бутылку шампанского. Оля-маленькая предложила поесть мороженого в кафе. К ужасу обоих, в кафе они столкнулись со своим самым вредным преподавателем. Преподаватель сидел за соседним столиком в компании толстой расфуфыренной дамы – похоже, что жены – и неодобрительно косился в сторону поддатых студентов. Как же им тогда было весело! В тот вечер Витас был особенно остроумен. Оля-маленькая поминутно прыскала, не в силах сдержать смех. побыстрее съев мороженое, они сбежали из кафе, укрылись от посторонних глаз за углом и долго целовались, забыв о времени.

Но сейчас Витасу было не до секса. Он чувствовал себя очень уставшим, совсем больным и немного пьяным. Пока Оля-маленькая не передумала, Витас поскорее забрался под жёсткое колючее одеяло, закрыл глаза. Девушка погасила свет, вскарабкалась на печь, немного повозилась, освобождаясь от одежды, и затихла. Село накрыло плотное покрывало тишины. В тишине отчётливо был слышен ровный шум реки. Убаюканный этим шумом, Витас начал засыпать.

– Не хочешь ко мне?

Витас с трудом приоткрыл один глаз.

– Спи!

Кровавый закат над Большим Ирмелем догорел и потух. В тёмных кронах сосен запутались редкие звёздочки. Вечно холодные воды двух рек мерцали, словно стекло. Милосердная ночь сделала невидимыми грязь, беспорядок, нищету и убогость Тюрлюка. В селе воцарилась та тишина, которая сводит с ума жителей больших городов. Горьковатый запах печного дыма, навоза и влажного дерева, смешиваясь с тонким благоуханием леса, щекотал ноздри.

Участковый Огурцов оставил велосипед у крыльца. Завидев хозяина, обрадованный Барбос принялся с грохотом таскать за собой на цепи свою конуру. Барбосу по человеческому счету было лет семьдесят. Возраст дожития. Шуганув пса, который навязчиво примеривался к его ноге, участковый взял пакет с халвой и поднялся по стоптанным ступенькам. Жена Огурцова любила халву, а он любил жену. Хотя... Может, не любил, а жалел?

Огурцов вовсе не был полицейским. Он был отпрыском рода с долгой и славной историей служения отчизне. Родился Коля Огурцов далеко от Урала – в Поволжье, в военном городке при аэродроме. Как и следовало ожидать, отец Огурцова – полковник – потребовал, чтобы сын пошёл по стопам отца, деда, прадеда. Огурцов-младший пошёл – поступил в Мухачинское высшее военное авиационное училище штурманов. В военном училище ему привили терпение насадки, прилежность доильного аппарата, способность беспрекословно

получать пинки под зад и прозвали Жирафом за длинную хлипкую шею. После училища Огурцов стал улыбаться реже, чем гробовщик. Впрочем, это естественно – кто в армии служил, тот в цирке не смеётся.

На последнем курсе Огурцов женился на миловидной девушке Насте – высокой крашенной блондинке в теле, но со своим шармом. Рослая училка начальных классов как раз закончила педагогическое училище и ей, по мнению её родителей, пора было замуж. Настя стала первой и единственной женщиной Огурцова. Каждое утро она заставляла его выполнять супружеский долг. Хочешь не хочешь – надо! Тут уже не до других женщин. Когда Огурцову становилось невмоготу, он повторял про себя как заклинание: «Ты моя Алла, я твой Филипп!» Чуть-чуть отпускало. Впрочем, жили Огурцовы не хуже людей. Он летал, выполняя задания командования, она учила детишек офицерского состава. Одно было плохо – Настя оказалась бесплодной.

Неожиданно налаженная жизнь дала трещину. Часть, в которой служил Огурцов, расформировали, а ему предложили уволиться в запас. Огурцов растерялся. Что же теперь делать? До выслуги не хватало ещё почти десять лет. Чем он будет заниматься на гражданке, в сумеречном и тревожном мире непредсказуемых штатских, ведь вся его жизнь прошла в армии? Спасение пришло, откуда не ждали. Знакомый отца предложил дослужить до пенсии в милиции. Тогда полиция ещё называлась по-старорежимному милицией. В Мухачинске требовался начальник вытрезвителя. Настя взбесилась – он была так горда, что является женой капитана, летающего на огромных белоснежных самолётах, а тут всего лишь начальник позорного трезвяка – но выбирать не приходилось и Огурцов надел новую форму. Пять лет он добросовестно руководил своим не совсем обычным медицинским учреждением, пока опять не грянул гром – все вытрезвители на территории страны были закрыты. На этот раз навстречу Огурцову пошло милицейско-полицейское начальство и предложило ему доработать до пенсии сельским участковым. Так Огурцовы оказались в Тюрлюке.

Село среди гор им понравилось – вокруг лес, полный покоя, клубы тумана по утрам, мягкое журчание воды, прозрачный воздух, забот у участкового мало, служебное жильё им предоставили. Что не жить? Но едва привыкли к новому месту, снова беда – у крепкой, редко болевшей Насти отказали ноги. Отныне она передвигалась в инвалидной коляске. Её мир теперь ограничился избой да нечастыми прогулками по двору. Больше Настя не требовала от Огурцова выполнения супружеского долга. Изредка сама радовала его мягким ротиком, но эти радости становились всё реже.

Огурцов целыми днями пропадал на службе, поэтому, чтобы не хандрить одной, Настя занялась чтением – глотала один за другим детективы, которые привозил ей муж. Особенно ей нравились произведения Агаты Кристи: Эркюль Пуаро, мисс Марпл, все эти леди, сэры, изысканные отравители, утончённые убийцы. Если настоящее не радует, а будущее пугает, то бодрость духа ищут в прошлом. С деревенскими бабами Настя не сошлась и они прозвали её мадам Помпадур (чаще Помпадурочкой) за любовь к экстравагантным (с их точки зрения) нарядам и причёскам.

В сенях Огурцов стянул грязные сапоги, машинально погладил подскочившего кота Шурика и с халвой прошёл на кухню. Надев очки, жена читала возле настольной лампы. Женщина как женщина – полная (но в Тюрлюке они тут все полные. Дамы полные, а кавалеры тощие.), со сбитым набок песочно-коричневым шиньоном (а перед кем ей дома красоваться?), в шёлковом пеньюаре цвета подсолнечного масла. Необычной была лишь её крайняя бледность. При виде мужа Настя отложила очки и книгу в сторону.

– Что так поздно, Огурцов? Где ты был? Я уже начала беспокоиться.

– Напрасно, Настюша, – промямлил Огурцов. – Я ездил в райцентр, сопровождал тело Ивана Кирша на вскрытие. По дороге домой заскочил в «Ивушку». Купил тебе полкило халвы. Будешь?

– Спасибо. Налей мне чаю. Твой ужин я поставила в печь, чтобы не остыл.

– Ладно.

Огурцов налил жене чая, нарезал хлеб и сало, открыл банку солёных помидоров, достал из печи кастрюльку с картошкой в мундире. Настя медленно жевала халву, запивая её несладким чаем.

– Я выпью?

Настя показала на шкафчик.

– Возьми, но не больше стакана.

Огурцов достал бутылку «Беленькой», налил в гранёный стакан. До краёв. Что-что, а пить он в авиации научился.

– Чтоб хрен стоял и винт вертелся!

Огурцов опрокинул стакан в горло, сморщился, закусил помидором.

Настя усмехнулась:

– Так тяжело?

Огурцов терпеть не мог, когда она так снисходительно усмехается, поэтому молча кивнул.

– Что вскрытие установило?

– А что там устанавливать? Смерть наступила вследствие удара тупым предметом в левую височную кость. Или вследствие удара височной костью о тупой предмет. Камень, изъятый с места происшествия, вероятно является этим тупым предметом. Вывод – поскользнулся, упал и не очнулся.

Настя опять снисходительно усмехнулась:

– Несчастный случай?

– Точно. Следователь уже написал постановление об отказе.

– Сам-то как думаешь?

– А что?

– А то! Человек внезапно приезжает через столько лет и в тот же день умирает. Получить камнем по башке, это тебе не отряхнулся и пошёл. Да ещё самоубийство той женщины. Дотнары. Зачем она себе наполовину обстригла голову? Две странных смерти подряд. Не верю я в такие совпадения. – Настя допила чай, окинула мужа требовательным взглядом (между прочим, такие её взгляды он тоже терпеть не мог) и спросила: – Скажи, зачем сюда приехал Кирш?

Огурцов пожал плечами. Не отвечая, он снова занялся картошкой. Настя знала, что мужской ум способен разом обрабатывать лишь ограниченное количество информации, поэтому подождала, но её терпения хватило ненадолго.

– Эй, Огурцов! Хватит жрать! Так ты займёшься этим делом?

Иногда Настюша такая зануда! Огурцов выдавил:

– Ладно, разберёмся.

Первый вторник

Ещё ночью зарядил дождь, превратившийся к утру в настоящий ливень с громом и молнией. Тёмные тучи заволокли бесцветное небо и принялись низвергать потоки воды. Земля стала грязью, грязь – трясиной. Свинцовая пелена дождя скрывала любое движение, раскаты грома глушили все звуки, но Витаса разбудил не гром небесный, а грохот в сенах. Открыв глаза, он не почувствовал себя обновлённым. Ему всё так же нездоровилось. Из носа лило, горло болело по-прежнему, виски сжимало, словно тисками. В избе стоял холод, как в холодильнике.

Спал Витас дурно. Какая-то мертвенно-бледная старуха грозила ему непропорционально длинным пальцем из адского мрака. Шептала: «Зачем ты сюда приехал, непутёвый? Уезжай немедленно!» Её палец и путаный шёпот вгоняли в страх. Этот долго длящийся кошмар съел большую часть ночи и здоровья Витаса.

В сенах ещё раз что-то загрохотало. Оттуда появилась запыхавшаяся Оля-маленькая, прижимая к груди пару резиновых сапог.

– Вот нашла для тебя подходящую обувь, а то твои «абибасы» совсем расклеились. Это бабушкины. У неё нога была большая, тебе впору будет.

– Надеюсь, старушка не в этих сапожках умерла?

– Дурак!

Пока они завтракали, гроза утихла. Небо почти очистилось от туч. Ливень сменился лёгкой, как девичьи слёзы, капелью. После жареной картошки – кофейник, молочник, сахарница, кружки. Оля-маленькая нагрела молока, намешала в него масло и мёд. Витас выпил – стало немного легче. За окнами мерно стучали капли дождя, будто постукивали часы – тик-так. Казалось, завод этих часов никогда не кончится. Витасу было не по себе от окружающего покоя: ни рёва автомобилей, ни заводской вони, ни вечной городской спешки.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Оля-маленькая. – Может, не пойдём гулять? Полежишь?

– Нет, лучше прогуляться.

– Тогда сначала нужно печь растопить, а то вернёмся – вообще околеем. Включи ненадолго мужика и принеси дров из сарая.

Во дворе Витас чуть не налетел на высоченного бородача, одетого в поношенный камуфляж. Сзади за поясом у него был заткнут топор.

– Смотри, куда прёшь, пацан! – рявкнул бородач грозным басом.

Витас отскочил назад и испуганно прогнусавил:

– Вы что-то хотели?

Бородач набычился из-под нависшего лба.

– Зашёл узнать, не нужно ли вам дровишек наколоть. Помельче, чтобы в печь влезали. Вы же, городской молодняк, хуже пенсионеров. Ничего не умеете делать руками, а я возьму недорого.

На шум выскочила Оля-маленькая.

– Ой, здрасте! Сколько возьмёте?

– Договоримся.

– Что это за дерзкий пони тут бородой тряс? – небрежно спросил Витас Олю-маленькую, когда великан, не потеряв недружественного вида, скрылся в сарае.

– Серёга Градобык. Он раньше в леспромхозе лесорубом работал. Потом леспромхоз закрыли и сейчас в селе осталось три с половиной лесоруба. Работы для них нет. В общем, сначала они были нищими, а потом их обокрали.

Витас усмехнулся:

– Лесоруб? Да он и сам говорящее дерево.

Действительно, Градобык с лицом, покрытым вертикальными морщинами, как у сосновой коры, со спутанными сальными волосами, напоминающими вырванные из земли корни растений, больше походил на порождение дремучих лесов и никому не нужных гор, чем на существо, у которого была мать. Впрочем, картину необузданной дикости немного портила смешная лопухость.

Засмеявшись, Оля-маленькая спросила:

– Ну как тебе тут?

– Пока не понял. Слишком много нового обрушилось: горы, косматые горцы, дома из говна и палок.

Оля-маленькая с восхищением посмотрела на могучие сосны, упирающиеся верхушками в небо.

– А я была бы счастлива прожить здесь всю свою жизнь!

Витас покосился на доживающую свой век избу.

– А я нет.

Он закурил. Тут же закашлялся. Первая сигарета за день – самая гадкая. В калитку заглянул Пашка.

– Салют!

Оля-маленькая с удивлением уставилась на младшего братца:

– А ты зачем заявился? Тебе здесь куриным помётом намазано, что ли?

– Меня мамка прислала. Просила передать, чтобы вы завтра приходили к нам на обед.

Сегодня после заутрени папку опять в полицию вызвали. Наверное, весь день там просидит. Завтра мы пельмени будем стряпать. Тусовка-ураган. Придёте?

– Конечно.

Пашка прислушался к мерным ударам, сопровождаемым натужным уханьем.

– Это у вас там, случайно, не Серёга Градобык дровишки рубит?

– Он самый.

– Пойду, поздоровкаюсь.

Пашка юркнул за угол. Витас вытащил свой мобильник и посмотрел на экранчик. Сигнала не было.

– Узнаю Междупопинск. У вас здесь даже мобила не ловит.

Оля-маленькая надула губы:

– Обижает? Горы же кругом. В Тюрлюке есть вышка сотовой связи. Рядом с ней мобильник более-менее работает. А на Кордоне стоит телефон-автомат. Куда ты собрался звонить?

– В Мухачинск. Матери нужно доложить, что доехал нормально.

Витас вдруг подумал о том, что, оказывается, ему и звонить-то некому, кроме матери. Дожил. Совсем друзей не осталось. Раньше у него имелись друзья-не друзья, приятели-не приятели, что-то вроде единомышленников, с которыми он проводил время. Лёха и Димас. Парни работали на одного мелкого предпринимателя, копали могилы на кладбище. Конечно, это не было аттракционом неслыханной щедрости, но за честную цену Лёха и Димас вполне обеспечивали покойников последним пристанищем и обе стороны были довольны. Внезапно городские власти затеяли оптимизацию ритуальных услуг. Все кладбища областного центра было решено передать одной фирме. Её учредителем совершенно случайно оказалась жена градоначальника. Обиженный предприниматель выкопал пару обрезков, закопанных за ненадобностью в конце девяностых, и раздал парням. Вооружённые приветами из девяностых, те рьяно принялись защищать свои рабочие места и справедливость так, как они её понимали. В результате короткой перестрелки с конкурентами Лёха поймал четыре пули и был похоро-

нен на том же кладбище, а Димасу ампутировали раздробленную ногу и отправили в колонию на десять лет. Поклявшись страшно отомстить за пацанов, предприниматель скрылся за границей.

Оля-маленькая предложила:

– Тогда, как пойдём гулять, поднимемся к вышке. Оттуда и позвонишь домой. Договорились?

Витас оглушительно чихнул, аж брызги полетели во все стороны.

– Ну, раз договорились, неси дрова. Градобык, наверно, уже достаточно наколот. Я быстренько протоплю избу и пойдём осматривать местные достопримечательности.

Раздавиг сигарету, Витас потащился в сарай. Там Градобык, обнажившись по пояс, махал топором. Сверкающее лезвие с хрустом впивалось в деревянное полено и раскалывало его на две половинки. Пашка стоял, расставив ноги, на параллельных досках и отливал с утомлённо-меланхоличным видом. Витас загляделся на голый торс Градобыка, блестящий от пота. Казалось, тело лесоруба состояло из одних мышц, похожих на кусочки сыромятной кожи. Без сомнения, это великолепное тело могло не останавливаясь прошагать, пробежать на лыжах десятки километров или бесконечно долго копать землю и рубить дрова, совершенно не нуждаясь в отдыхе.

Пашка обернулся к Витасу, застёгивая ширинку.

– Видишь, братан, как оно тут? Мы по старинке топим дровами, а газ продаём за границу.

Витас пожал плечами:

– Значит, выгоднее продавать. Впрочем, я не знаю.

Градобык пробасил через плечо:

– Не было бы дров, не было бы у меня работы.

Пашка засмеялся. Своей смешливостью он был очень похож на сестру.

– Ты же ещё в похоронном заведении Гороха трудишься – роешь могилы и даришь прощальные поцелуи. Уж такая-то работа есть всегда. У нас в селе одно старичье осталось.

– Балбес ты! – пробурчал Градобык. – Старичье-то как раз самое живучее. Один представившийся за год – по-твоему, работа? Если бы не дрова – ноги бы протянул с голода.

Пашка насмешливо проговорил:

– Да хорош приbedняться, Серёга. Вон за месяц уже два покойника. Плюс твоя доля у Гороха. Мог бы не ходить оборванцем. Просто ты клинический жлоб.

Градобык ожёг Пашку взглядом.

– А ты не болтай болталом. У стен есть не только уши.

Пашка что-то ответил, но Витас уже не прислушивался. Ему наскучил бестолковый спор деревенских. Типа в нашем селе нет ничего доброго, а в соседнем ещё хуже. Постиндустриальное общество – промышленность-то всю похерили. Он торопливо набрал побольше чурок и понёс их в избу.

Латунный диск солнца взгромоздился над Иремелем, по склону которого Витас поднимался вслед за Олей-маленькой. Угрюмые облака стелились над зазубринами гор, словно острова в океане, сливающиеся с тёмно-серой водой. В лесу было пасмурно, сыро и прохладно, но Оля-маленькая отлично экипировала Витаса для прогулки по окрестностям Тюрлюка – лыжная шапочка, тёплый ватник, резиновые сапоги. Полные достоинства величественные сосны (он никогда не видел таких громадных) что-то нашёптывали, дрожа ветками над головами. Слабо вздыхающий ветерок дурманил чистыми ароматами земли, воды, мха, коры, хвои, грибов. На траве переливались капли росы. Необъятный лес был наполнен мрачной прелестью.

– Правда ведь, здорово? Первозданная природа! – воскликнула Оля-маленькая.

Витас кивнул, тяжело лоя воздух. Путь вверх давался ему не легко. Чем дальше, тем теснее жались друг к другу стволы деревьев. Сосны смыкались за спинами ребят, будто закрывающиеся врата в прошлое. Подлесок из спутанных зарослей дикой малины, крыжовника и куманики становился непроходимым. Колючки цеплялись за одежду, царапали руки. Густые тени укутывали вечным покровом корни деревьев. Покрытые мхом гранитные валуны выпирали из земли, словно кости забытых чудовищ. Уединённые, таинственные места. Лишь иногда солнечные лучи прорывались сквозь завесу ветвей и слепили глаза.

Витас с Олей-маленькой поднялись до половины хребта. Отсюда открылось великолепное зрелище: перед глазами – неровная линия гор, украшенных бахромой лесов на фоне неба, а под ногами – россыпь жалких строений. Прекрасный горный мир природы казался таким отрешённым от суетного мирка людишек, квакающих у студёной ленты внизу. От этой картины сладко щемило сердце и пронзало душу. Истово верующий сказал бы, что такое великолепие мироздания – это торжественный хорал ангелов, славящих Господа, но Витас не был истово верующим, поэтому он высморкался желто-зелёными сгустками и прогундосил:

– У меня стрелка на нуле. Давай, сделаем перекур?

– Давай.

Оля-маленькая присела на поваленный ствол, достала из кармана джинсов сигареты, зажигалку. Витас устроился рядом. Закурили. Здесь, в самой чаще, царил тишина. Ни звука, кроме едва слышного призрачного шелестения, неотделимого от любого леса. Они курили молча – у обоих не находилось желания нарушать гнетущее безмолвие. Вдруг Витас заметил почти неприметную струйку дыма, поднимающуюся из-за деревьев. Тонкая серо-голубая струйка, извиваясь и закручиваясь, таяла в тусклом небе, как будто где-то по соседству великан раскуривал свою великанскую трубку.

– Что это там горит?

– В той стороне бабка одна чудаковатая живёт. Горбатая, как Уральские горы. Пару километров отсюда вдоль горы.

– В такой глухомани? Там, наверное, даже волки какать боятся.

Оля-маленькая неопределенно помахала рукой с сигаретой, сделала пару коротких затяжек. Витас снова спросил:

– Что за бабка?

– Я не знаю имени. В селе её называют Чертовкой.

– Почему Чертовкой?

– Говорят, что она с нечистой силой водится. Не к добру её упоминать.

– Сколько же лет этой бабке?

– Этого никто не знает. Только говорят, она Наполеона с Гитлером путает, а царя Николая со Сталиным. И избушка у неё такая же древняя, как лепёха динозавра.

– Значит, кто-то туда ходит?

– Костя Ядерный с ней дружит.

– А кто такой Костя Ядерный? Местный мастер лаптеплетения?

– Сосед наш. Мы к нему вечером пойдём на посиделки. Помнишь, вчера Оля-большая звала?

– Помню.

– Костя – бывший спортсмен, работал учителем физкультуры в мухачинской школе, а лет пять назад уволился, приехал в Тюрлюк, купил у соседей нашей бабушки их дом с участком и построил на нём своё личное экологическое поселение. Пустил корни. Теперь у него там есть и казахская юрта, и северный чум, и другие постройки, сцена для концертов, и даже туалет «М» и «Ж» с биде и смывом! У Кости собираются художники, поэты, вообще творческие люди. Рисуют картины, пишут стихи, сочиняют музыку, устраивают представ-

ления, шьют себе одежду из натуральных материалов, занимаются йогой. Некоторые живут подолгу, некоторые быстро уезжают, но в любом случае всем очень интересно.

– М-да, любопытный мужичок этот ваш Костя Ядерный, – заметил Витас. – Может, пойдём дальше?

Ответ Оли-маленькой заглушил стремительно нарастающий треск. Оглянувшись, ребята дружно завопили от ужаса. На них падала гигантская сосна с пышным эскортом из колючих игл.

На полянке, усеянной коричневыми шишками, похожими на одревеневшие какашки, Толян наткнулся на большую колонию опят. Несколько грибных семеек устроились на пнях, у основания деревьев и даже просто в траве. Достав нож, он принялся аккуратно срезать один гриб за другим и укладывать их в лукошко. Толян и раньше любил побродить по лесу, но после смерти жены он обнаружил, что тихая охота помогает ему забыться лучше, чем водка. Впрочем, водку тоже никто не отменял. Вернее самогонку. Толян гнал её сам под брендом «Слеза комсомолки». Это чтобы позлить тестя-бывшего парторга. Свои первые за день сто пятьдесят граммов Толян уже жахнул. Последние годы пьяница в нём боролся с учителем химии и один не хотел уступать другому.

По лесу прокатился глухой треск. Толян вздрогнул, прислушался. Ему уже не раз доводилось слышать такие звуки. Хотя у сосен долгая жизнь, но и она когда-нибудь кончается и тогда они валятся на землю с тоскливым прощанием. Внезапно сквозь треск пробился короткий человеческий вопль. Помедлив секунду в нерешительности, Толян бросился в ту сторону. Подвернувшийся под ноги пенёк едва не сбил его с ног. Толян выругался и, восстановив равновесие, припустил дальше.

Ребятам помог слепой случай. Длинные ветви гигантской сосны, сплетённые в густую сеть с ветвями соседних деревьев, чуть задержали её падение, но Витасу хватило времени сорвать Олю-маленькую с места и швырнуть на землю. Прижав девушку к стволу, на котором они сидели, он закрыл её своим телом, надеясь, что острые сучья не пронзят их насквозь. Им повезло. Крона гигантской сосны рухнула далеко от них. Столб пыли, мелкого лесного мусора и трухи окутал место падения.

Витас действовал совершенно неосознанно, подчиняясь мгновенному решению. Что это было? Инстинкт или воспитание? Кто и когда внушил ему, что мужчины должны защищать женщин? Мать? Воспитательница в детском садике? Школьные учителя? Своего отца Витас не знал. По словам матери, отец уехал в родную Литву ещё до его рождения и пропал. Как бы то ни было, это решение спасло им обоим жизнь. Теперь они лежали так, как давно мечтала Оля-маленькая – бутербродиком.

Оля-маленькая тихонько проговорила:

– Не зря люди говорят, что нельзя ту бабку упоминать. Обязательно случится что-то нехорошее.

Витас сердито выплюнул пыль.

– При чём здесь ваша Бабуся-Ягуся? Просто трухлявому дамокловому мечу вздумалось выбрать именно это место, чтобы упасть.

Оля-маленькая не успела ответить.

– Эй, у вас всё путём? – раздался тревожный голос.

Ребята поспешно поднялись. Витас в смущении, Оля-маленькая с сожалением. Из зарослей вывалился какой-то мужик с лукошком, полным грибов. Худющий, депрессивный, тусклые седеющие волосы, блёклые невыразительные черты лица, сливовый нос в прожилках, горькие складки у рта, старомодные очки в пластмассовой оправе. В довершение образа – перегар. Классика. Мужик словно сошёл с конвейера фабрики по производству деревенщин.

– У вас всё в порядке? – повторил он свой вопрос.

– Всё нормально, дядя Толя, – улыбнулась Оля-маленькая. – Вы меня не узнаете?

Мужик поправил очки, присмотрелся.

– Ольга, что ли? Поповская дочка? Сразу-то не признал. Богатой будешь. Что вы тут делаете?

– Знакомлю друга с окрестностями. Это Витас, мой однокурсник.

Толян посмотрел с любопытством на Витаса.

– Зимой было сообщение, что у вас в Мухачинске здоровенный метеорит упал.

– Ну упал.

– А ты, паря, его видел?

– Нет. Я на окраине живу.

Сразу потеряв интерес к Витасу, Толян озабоченно обратился к Оле-маленькой:

– Будьте осторожны. Не уходите далеко от села.

– А что?

– Заблудитесь ещё. Лес и город – это параллельные враждебные миры. В лесу с заблудившимися горожанами могут случиться только плохие вещи. И к избушке Чертовки близко не подходите.

Витас не выдержал. Его бесил этот субъект, больше похожий на труп, чем на живого человека.

– А что, бабуся питается свежезажареными студентами?

Толян проворчал:

– Не шути, паря. Поганая она старуха. Опиум для народа.

– Сейчас выйдем к вышке и позвонишь домой. Обрато пойдём другой дорогой, короткой, – щебетала Оля-маленькая. – Ты не устал?

– Немного.

На самом деле Витас ужасно устал, вспотел, вымазался и насобирал на себя колючек, иголок, листьев. Ощущение дискомфорта. Ну почему первозданная природа всегда липнет на подошвы, капает за воротник, проникает под одежду, пристаёт к лицу, царапает, колет и щекочет? Да ещё горло и носоглотка плавилась, словно в мартене.

Ребята прошли около километра вдоль горы, постепенно спускаясь всё ниже, потом деревья кончились. Они очутились на ухабистой просёлочной дороге. Слева виднелась ограда, когда-то покрашенная зелёной краской. За оградой можно было различить покосившиеся кресты, заржавевшие надгробные памятники и купол-луковицу, блестящий, как фольга. Шелест листья, казалось, наигрывал похоронный марш.

– Что там торчит? – через силу спросил Витас. – Ещё одна церковь?

– Нет. Церковь в Тюрлюке одна, а это часовня на кладбище. Папка там отпевает умерших.

– Весёлое место. А вдоль дороги мёртвые с косами стоят. И тишина...

Оля-маленькая ткнула Витаса кулачком.

– Брось. Мне и так здесь всегда не по себе. Вон вышка. Доставай мобильник.

Витас встал рядом с вышкой и набрал номер матери. Сейчас она должна была быть на работе. Мать ответила после третьего гудка и началось: «Как доехал? Ты там нормально

питаешься? Не забывай надевать тёплые носки и подштанники! Не пей сырой воды! Не вздумай один ходить по лесу! Когда ты вернёшься? Ну что ты грубишь матери? Я ведь вся извелась!» Нет, вы слышали? Его нет дома всего второй день, а она уже вся извелась!

С трудом закончив разговор, Витас поискал глазами Олю-маленькую. Оказывается, она вернулась назад к кладбищенской ограде и оживлённо болтала там с какой-то малолеткой в задрипанном прикиде. Они хихикали, поглядывая в его сторону. Обе курили. Чёрт! Придётся свести ещё одно ненужное знакомство.

– А это Занзигулька, – представила малолетку Оля-маленькая, когда Витас подошёл. – Это её отец пасёт коров. Они тут живут, за кладбищем.

Кивнув, Витас посмотрел на Занзигульку сверху вниз. Ему по плечо, худенькая. Лунообразное смуглое личико, узкие карие глазки, широкий приплюснутый носик, пухлые губки бантиком, над верхней уже пробиваются волосинки, предупреждая о будущих усиках, вместо макияжа полоска сажи на щеке. Никто не назвал бы её хорошенькой, но в местный пейзаж она вписывалась идеально.

Занзигулька ответила Витасу кокетливым взглядом. Высокий блондин, симпатный даже в стрёмном ватнике. Только слишком уж мнит о себе. Вон как нос задирает. Впрочем, городские – они все такие высокомерные.

– Придёшь вечером к Косте Ядерному? – спросила Оля-маленькая Занзигульку, пока Витас прикуривал от её сигареты.

– А твой брат там будет? – ответила Занзигулька вопросом на вопрос. Она говорила в странной манере, словно отрубая топором каждое слово.

Оля-маленькая засмеялась:

– Куда же он денется? Пашка – восьмирукий. Не зря прозвали Турбодуром. Везде попевает.

– Тогда приду, – Занзигулька предложила: – Может, к нам зайдёте, чаю выпьете? Я чакчак сделала. Отец сейчас на пастбище.

Оля-маленькая глянула на Витаса. Тот отрицательно покачал головой. Ещё не хватало чаи распивать в таком печальном месте. Никакого уважения к покойникам!

– Спасибо, Занзигулечка, но лучше мы пойдём домой. Нужно отдохнуть. Вечером наговоримся.

Смеркалось. Издалека доносился залиvistый лай собак. Упоительно свежий воздух был напоён ароматами леса и поднимающихся с земли испарений. В необъятной темноте неба плыл лик луны осеннего цвета. Под её холодным светом грязь блестела, как покрытая лаком. Удручающее очарование. В сумерках улица вдоль реки выглядела до странности незнакомой, внушающей неясную тревогу. Молчаливые дома, хранящие чьи-то воспоминания, деревья, склоняющиеся к ним, словно родственники к гробу усопшего.

Витас и Оля-маленькая подошли к воротам экологического поселения Кости Ядерного. Гостей приветствовала надпись над воротами: «Заходи – не бойся, выходи – не плачь». Почти Шекспир. Ободряюще улыбнувшись Витасу, Оля-маленькая нажала кнопку звонка. Им открыл худой до истощённости молодой человек в безобразном балахоне, заляпанном краской – чем-то средним между солдатской шинелью и баннным халатом. Жёсткие черты длинного остроносого лица, усы и бородка, как у Иисуса, невымытая курчавая шевелюра, печальные очи. Молодой человек сутулился, словно придавленный окрестными горами, отчего кисти его рук доставали до коленей.

– Добрый вечер, – поздоровалась Оля-маленькая. – А мы к Косте.

– Костя с женой как бы уехал на месяц в Крым, – мягко пробормотал молодой человек, точно извиняясь за случившееся. – А я Илларион. Костя оставил меня присмотреть за хозяй-

ством. Меня и мою жену Алёнушку. Мы как бы из Санкт-Петербурга или по-старому Ленинграда.

– Ой, жалко, что Кости нет! – огорчилась Оля-маленькая. – Мы хотели посмотреть Костину усадьбу.

Илларион виновато замигал, смущаясь за плохое известие. Потом добавил:

– Да пожалуйста. Заходите, смотрите. Я сейчас вам врублю солнце на участке. Если что, я буду в арт-студии. У нас там сегодня как бы сейшн. Проще говоря, местные ребята пришли потусить. Вы тоже можете присоединиться, если хотите.

– Спасибо! Конечно мы присоединимся.

Илларион улыбнулся улыбкой Иисуса, искупившего грехи человечества зверскими страданиями на кресте. Мол, не благодарите. Это как бы моя работа. Несмотря на неуверенное «как бы», приглашение прозвучало вполне радушно, поэтому, когда Илларион отступил в сторону, открывая путь, Оля-маленькая подхватила Витаса под локоть и затащила в тёмное нутро двора. Вспыхнул ослепительный свет. Это Илларион включил прожектор, укреплённый на столбе. Оля-маленькая повела Витаса по дорожке, почти неразличимой в разросшейся траве, объясняя на ходу тоном экскурсовода:

– Справа вы, товарищ студент, можете видеть арт-студию, где будет проходить собственнотусовка. Прямо перед вами сцена, казахская юрта и чум одного из народов севера. Какого именно я забыла.

Хотя Витаса не глодала любознательность, тем не менее для приличия он спросил:

– А слева что за фигвам?

– Слева находится знаменитый на весь Тюрлюк сортир с биде. Насколько я знаю, его посещение бесплатно.

– Так давай посетим этот продвинутый сортир?

Они было свернули к уборной, но с неба хлынул настоящий водопад. Судьбу не обманешь. Холодный душ загнал их в арт-студию. Там ребята окунулись в неровный свет, оглушительные расцветки и убойную смесь из запахов краски, плесени, кислой муки, старого дерева, влажного картона, табака, кошачьей мочи и экскрементов. Всё в арт-студии, окутанной табачным туманом, было разноцветным: стены, занавески на крохотных оконцах, потёртые дорожки на полу, неровный потолок. Как будто здесь поработали несколько чокнутых маляров и каждый маляр малевал своей краской. Стен было почти не видно из-под картин, гравюр, чеканок, масок и бог знает, чего ещё. В углах стояли скульптуры. С потолка свешивались гирлянды бумажных цветов. На полках, как в сувенирном магазине, теснились статуэтки, фигурки, раковины, камешки, различные поделки из дерева и глины. На полу были свалены в кучи книги, журналы, рекламные буклеты плюс груда пустых пивных бутылок. В глубине помещения перед чёрно-белым телевизором, транслирующим с выключенным звуком какой-то кинофильм, такой же древний, как «Прибытие поезда» братьев Люмьер, копошился кто-то живой. Бренчала гитара. Эстетикой, содержимым и ароматами арт-студия напоминала гигантский помойный бак, кишаший крысами, – вид изнутри.

Витас сморщил нос. Ну и дыра! Они прошли ближе к телевизору. Перед старым ламповым аппаратом за столом – обыкновенной доской, положенной на козлы, – разместились несколько человек. Витас узнал Пашку Турбодура, перебирающего струны новой гитары, Олю-большую и Занзигульку. Кроме уже знакомых лиц там присутствовала пара незнакомых – курившая сигарету, симпатичная беременная девушка с короткой стрижкой цвета розового фламинго и чересчур упитанный юноша, который с отрешённым видом пил пиво. Да ещё невзрачная серенькая кошечка, припавшая мордочкой к голой ноге беременной девушки.

– Садитесь к нам! – радушно позвал Пашка. – Знакомьтесь, это Славик Конюхович.

Чересчур упитанный юноша вяло помахал пухлой рукой. Стокилограммовый Славик был приятным исключением из тюрлюкского правила, что мужчины должны быть обязательно тощими. Из-за лишнего веса у Славика душа не лежала ходить пешком, поэтому для своего передвижения по селу он сконструировал из двух дохлых мопедов и одного полудохлого мотоцикла велосипед с моторчиком в полтора пони. По утверждению самого конструктора, чтобы преодолеть сто километров, этому механическому уродцу потребовался бы всего стакан бензина, если бы, конечно, его самоделка смогла столько проехать. Но как бы то ни было, велосипед таскал пузатого Славика на себе по селу вполне исправно. Как говорится: пять минут позора и ты у цели.

– А это Алёнка, – пьяно заржав, Пашка попытался обнять беременную девушку, но та оттолкнула его руку.

– Отвали, моя черешня!

Пашка не обиделся. Легкомыслие и беззаботность витали над ним, как дымок Алёнкиной сигареты над её взлохмаченными розовыми волосами.

– Берите табуретки, – показал в угол Илларион.

Оля-маленькая и Витас нашли в углу пару расшатанных табуреток и присели к столу. Отложив гитару, Пашка налил им пива в шербатые кружки. Вот это как раз то, что доктор прописал! Иисусообразный Илларион и Занзигулька, не сводившая влюблённого взгляда с бойкого брата Оли-маленькой, тоже пили пиво. Одна Алёнка предпочитала кофе с запахом жжёной резины. По крыше яростно барабанил дождь.

– Не обращайтесь внимания на как бы беспорядок, – забормотал Илларион. – Если внимательно присмотреться, то все элементы интерьера арт-студии целостны и создают законченную картину. Тут вам и наивное искусство, и классика, и футуризм. Форма по отдельности и в совокупности отражает содержание. Авангард, но как бы с налётом наследия прошлого.

– Илларион у нас художник, – вклинился Пашка, – а Алёнка поэтесса.

– Собственно, я всего лишь художник-оформитель, – поправил его Илларион, – а Алёнушка пишет стихи о тёмной стороне человеческой индивидуальности или по-другому – чёрный юмор, – Илларион продекламировал:

Маленький Стас на качелях качался.
Отважный малыш ничего не боялся.
Качнулся разочек, качнулся другой.
Кирпичный забор пробил головой.

– Чувствуете мелодичность строк? С музой она как бы накоротке.

Пашка дурашливо изумился:

– Эй, Алёнка! Это с какой же музой ты накоротке? Колись!

Та лениво протянула нежным голоском:

– Не-а, муза у меня нет. Вот такая в жизни зопя.

– Мы с Алёнушкой как бы не расписаны, – кротко признался Илларион.

Славик уставился на Витаса глазами навывкате, как у больного щитовидкой. Меланхолично включился в беседу:

– Я слышал, у вас в Мухачинске метеорит упал? Дома порушил, много людей поранил. Страшно было?

– Нет, не страшно. Я на окраине живу.

Отключившись, Славик опять утопил толстые африканские губы в пиве.

– Дался тебе Мухачинск, – сказала ему Оля-большая. – В Тюрлюке и своих ужасов хватает. Одна Чертовка чего стоит.

– Про Чертовку я в теме, а ещё какие ужасы есть? – заинтересовалась Алёнка.

– Ну, говорят, что в Большом Иремеле живут дивные люди или чужь белоглазая.

– Что за дивные люди?

– Не знаешь? – удивилась Оля-большая. – У нас каждый мелкий о них слышал. Дивные люди ещё в старину под землю ушли. Так и живут с тех пор в горе. Но у них есть замаскированные лазы наружу. Некоторые наши сельчане с ними сталкивались в лесу. Мой дедушка, например. Он рассказывал, что дивные люди небольшого росточка, ловкие. Неизвестно, откуда появляются и неизвестно, куда исчезают. Вот ужас, правда?

Алёнка усмехнулась:

– Ага, я аж уписалась. Страшилки не рассказывай. Про снежного человека тоже много болтают, но никто его до сих пор не поймал.

Оля-большая выпучила голубенькие глазки:

– А слыхала про золотую жилу Василька?

– Откуда же.

– Тоже рассказывают, что где-то рядом с Тюрлюком есть богатейшее месторождение золота. Его до революции один парень открыл. Там целый триллер был. Тот парень – Василёк – безумно любил одну девушку – дочку своего начальника, а начальник поставил ему условие: мол, найдёшь за три дня золотую жилу – отдам дочку за тебя замуж.

– Обычное дело. И что дальше?

– Жилу-то парень нашёл, но опоздал и дочка начальника в отчаянии наложила на себя руки. Она тоже его безумно любила.

– Печально. И чем закончился триллер?

– Никто не знает, куда потом делся Василёк. С тех пор многие искали ту золотую жилу, но всё зря. Зато многих в лесу находили мёртвыми. Говорят, призрак Василька сторожит жилу. Найдёшь её – умрёшь.

Алёнка презрительно пустила струю табачного дыма в Олю-большую:

– Сказки. Легенды и мифы Древней Греции.

– Сказки?! – возмутилась Оля-большая. – В прошлом году в Ларкином ущелье туристы наткнулись на скелет! Рядом с костями лежали кирка, заступ, молоток, лом. Всё ржавое-ржавое.

Алёнка улыбнулась улыбкой, которая могла бы показаться милой, если бы не была такой насмешливой:

– Может, всех золотоискателей не призрак, а дивные люди заколбасили? Вдруг и нам осталось жить только два понедельника?

Оля-большая содрогнулась:

– Мама дорогая! Тебе мало ужасов? А про Ивана слыхала? Едва приехал мужик – бац и уже труп!

Пашка вставил, мрачно ухмыляясь:

– Между прочим, возможно, Ивана убили. У него полголовы было разбито, – папке Жираф сказал – но дождь смыл следы. Помните, какой тогда прошёл страшный ливень?

Оля-большая не унималась:

– А Толянова жена Дотнара? Взяла да и бросилась со скалы. Утром нашли в кошмарном виде. С половиной волос. Тоже странный случай. Неуж сама? А может, её толкнул кто?

Илларион заметил:

– Я с этой Дотнарой однажды разговаривал. Мы тогда сюда только приехали. Как бы симпатичная женщина.

– Ты мне про это не говорил, – удивилась Алёнка.

– А зачем? Просто потрепались в магазине.

– О чём трепались-то?

– Да ни о чём. Обычное любопытство. Кто мы, откуда, зачем в Тюрлюк приехали. Болтовня в очереди.

Илларион умолк. Потушив сигарету в кружке с горелым кофе, Алёнка погладила обеими руками свой большой живот.

– А вы не допускаете, люди, что в вашем таёжном углу объявился серийный убийца?

Первая среда

Наутро Витас совершенно не помнил, как он вчера покинул арт-студию Кости Ядерного, мутировавшую в помойку. Слишком много было пива, курева и разговоров. Оля-маленькая довела его до дома сквозь союз дождя и ночи. Благо, идти было недалеко. Свалившись на кровать, Витас уснул так быстро, словно раскусил ампулу с цианистым калием, но пробуждение оказалось крайне тяжёлым. За ночь болезнь одержала новые победы. Слизистая была воспалена, кашель, по телу гуляла слабость, зато голова, будто отлитая из чугуна, весила центнер. Витас изнемогал под этой непомерной тяжестью. Дисгармония организма. И речи не было о том, чтобы встать. Посмотрев с сострадаем на несчастного Витаса, Оля-маленькая велела ему оставаться в постели, а сама сбегала к родителям за народным средством от простуды.

– Ничего, прорвёмся! Будешь каждый час пить тёплый чай с сушёной малиной, – строго сказала Оля-маленькая, подавая Витасу чашку. – К обеду будешь как новый. В общем, пока лежи, выздоравливай. Я побегу обратно к мамке, помогу ей пельмени лепить. Учти, ты таких пельменей ещё не пробовал!

Она исчезла. Витас допил чай и смежил веки. В мозгу неуправляемо крутились призрачные лица. Несокрушимый могильщик Градобык. Пашка со своими повадками пустоголового нахала. Грибник-пьянчуга Толян. Две разнокалиберные Оли. Славик с пузом и зрачками навывкате. Алёнка тоже с пузом, прямолинейная, как атака быка на корриде. Илларион с не очень связной речью. Пастушья дочь Занзигулька. Даже кошка Лизушка, присасывающаяся к голой коже.

Снаружи доносился мягкий плеск речной зыби, навевающий мысли о каникулах. Иногда его перебивало коровье мычание, козье меканье, свиное хрюканье или собачье гавканье. Наперегонки кукарекали петухи: «И, и, и, и-и-и! И, и, и, и-и-и!» Мерно тикал круглый будильник на комод. Убаюканный этими звуками Витас снова погрузился в сон, который на время изъял его из бытия в небытие.

Проснувшись во второй раз, Витас приоткрыл глаза и был ослеплён лучистой улыбкой яркого солнца.

– Как ты? – тоном сестры милосердия спросила Оля-маленькая, появляясь из солнечного света.

Витас пошевелился. Он был весь в поту, но горло почти не болело, голова стала на порядок легче. Очень хотелось есть. Видимо, кризис миновал.

– Лучше.

– Тогда вставай. Родители ждут на обед.

Приходской священник отец Пётр жил в двухэтажном доме под синей крышей, прятаясь за церковью. Когда ребята оказались в трапезной, там сидели сам отец Пётр и Пашка. Слышно было, как Таисия Фёдоровна хлопотала на кухне.

– Добро пожаловать. Гость в дом – бог в дом, – приветствовал вошедших отец Пётр. Он говорил странным голосом – высоким, ломким, навевающим мысли о чём-то хрупком, как жизнь новорождённого. Рослый, но тщедушный, в слишком широкой чёрной, словно китайская тушь, рясе из льна, отец Пётр ходил на картонную фигуру знаменитости, рядом с которой фотографируются туристы. За его очками угадывалось знание, копившееся ещё со времён египетского рабства и вавилонского пленения. Старательно ухоженная редкая бородёнка. Недавняя плешь отражала свет лампы, включенной, несмотря на дневное время. Впалую грудь скрашивал тяжёлый крест на серебряной цепи, который священник старательно натирал каждое утро бархатной тряпочкой.

– Здравствуйте, – скованно отозвался Витас. Он чувствовал себя не в своей тарелке. Не знал правил общения с лицом духовного звания. Может быть, попам положено руку целовать, как делали мушкетёры своим дамам сердца?

– Знакомься, папулечка. Это Витас, мой однокурсник и друг, – засмеялась Оля-маленькая, стирая неловкость, и Витасу: – Садись, студент, что ты мнёшься. Мамулечка, тебе помочь? Мы умираем с голода.

Попадья издала утвердительный возглас и Оля-маленькая ускользнула в кухню. Витас занял место возле Пашки, который сердечно потряс ему руку. Осмотрелся. Иконы, полотняные полотенца, предметы из меди и бронзы, чистая скатерть на столе. Ароматы спокойствия, благодущия и ладана. Резкий контраст с замызганной бабушкиной избой резал глаз.

– Ну как вам наши палестины, молодой человек? – задал вопрос отец Пётр, благожелательно смотря на Витаса. Тот пожал плечами и промямлил в ответ что-то невразумительное.

Священник, напротив, оживился:

– Вы ещё не были в нашей церкви? Между прочим, это памятник архитектуры – образец деревянного храмового строительства с элементами древнерусского зодчества. Она была возведена в конце позапрошлого века.

– Петя, оставь юношу в покое, – оборвала мужа дородная попадья, внося в трапезную большой круглый поднос с горой дымящихся пельменей. – Лучше ешьте, пока горячие. Скоро вторая закладка подоспеет.

Витас раньше не видел таких пельменей – размером и формой напоминавших пирожки.

– Мы всегда едим пельмени с уксусом, но, если хочешь, у нас есть сметана, – сказала Таисия Фёдоровна и крикнула в кухню: – Оленька, принеси сметану!

Отец Пётр добавил:

– И бутылочку с зелёным змием прихвати!

В трапезной появилась Оля-маленькая, неся банку сметаны и бутылку водки. Пока попадья ставила на стол чашки с солёными огурчиками, помидорчиками и кислой капусткой, а священник с недовольной миной разглядывал крошечные стопки, Пашка шустро разлил водку. Когда всё было готово, отец Пётр пробормотал короткую молитву – что-то про хлеб насущный. Все, кроме Витаса, перекрестились, опрокинули в себя стопки, крякнули, продышались и приступили к еде.

– А вы видели, как упал метеорит? – поинтересовался отец Пётр, делая знак Пашке, чтобы тот наливал по второй.

– Нет, я на окраине живу, – в спешке обжёгшись горячим пельменем, еле выговорил Витас.

Оля-маленькая спросила:

– Скажи, папулечка, что случилось с Иваном?

Священник пожал худыми плечами.

– Откуда я знаю? Ваня куда-то отправился тем вечером, а утром его с разбитой головой нашёл Сайфулка. В полиции сказали, что Ваня упал и ударился виском о камень. Несчастный случай.

«Весь ваш Тюрлюк – несчастный случай», – подумал Витас, но вслух ничего не сказал.

– Упокой Господь его душу, – вздохнула Таисия Фёдоровна, крестясь. – Пашенька, сына, наливай.

– И что теперь будет с телом? – задал вопрос Витас.

Запустив пятерню в бородку, отец Пётр принялся нанизывать своим высоким голосом сочащиеся слезами слова:

– В понедельник я послал телеграмму Ваниной семье в Германию, а вчера позвонил им из райцентра. Тяжёлый был разговор. Мы все пребывали в состоянии глубокого горя.

Сообща решили похоронить Ваню здесь в Тюрлюке. В следующий понедельник. Раньше полиция тело не отдаст. С «Упокой-сервисом» я уже договорился. Горох заверил, что всё будет на уровне. Да и ценник у него не такой смелый, как у других. Павлик, давай-ка ещё по одной. Могий вместити да вместит.

- А из родных Ивана на похоронах никого не будет? – спросила попадья.
- Почему же никого? Из Мюнхена прилетит его дочь.

На площади перед церковью было многолюдно. Девочки прыгали через скакалочку. Вокруг останочного павильона носились детишки. Визжа и вопя, они бросали друг в друга пригоршни грязи. Рядом копались в заглохшем мотовелодрандулете чересчур упитанный Славик Конюхович и чересчур тощий Илларион. Впрочем, копался один Славик. Илларион, глубокомысленно нахмурившись, следил за толстяком, который ремонтировал железного коня одним молотком. Свои длинные волосы художник-оформитель собрал в хвост, руки сунул в карманы и помогал советами. Возле молодёжи беседовало о своём старшее поколение Тюрлюка: директор школы Виктор Александрович с портфелем – его все называли Вексаных, Перегнат Сиводедов в чёрной китайской куртке из кожзаменителя да хромой дед Валентин с клюкой – вечная затычка ко всем местным бочкам. Дед Валентин был так стар, что казалось, будто он появился одновременно с горами. Высокий, но сутулый старик, облезлый и худой как скелет. Костлявое лицо. На грудь спускалась неопрятная борода, а на макушке – напротив – последняя седая прядка собиралась покинуть хозяина. Свою бабушку дед Валентин давно похоронил. У забора дружно мочилась местная похоронная команда – Горох с Градобыком.

– Здравствуйте, мужчины! И вы здесь, Перегнат Петрович? – удивился участковый Огурцов, подходя к собравшимся. – Никак в дом божий собрались? Вы ж коммунистом были, даже вроде парторгом?

– Я и сейчас коммунист, – проворчал Перегнат. – Убеждений не менял и партбилет не выбросил как некоторые.

Бывший парторг говорил спокойно, но уголки обычно плотно сжатого рта слегка подёргивались. Короткая седая стрижка придавала Перегнату вид отставного военного, ещё достаточно крепкого для своих лет.

Дед Валентин мелко захихикал, прикрывая ладошкой дряблый рот. Побагровев, директор школы послал Перегнату кривую улыбку:

– Это вы на меня намекаете, Перегнат Петрович? Так тогда время было такое – все были коммунистами, а теперь время другое.

– Раньше в Тюрлюке жили люди-человеки, а теперь одни козлы и дровосеки, твою медь!

Перегнат длинно сплюнул. Обиженно сморщив бледную физиономию, Вексаных отвернулся от грубияна. Дед Валентин направил клюку на участкового.

– А скажи-ка нам, мил человек, что с немцем случилось? Общество интересуется.

Огурцов пожал плечами.

– Что тут говорить? Не повезло герру Киршу. Навернулся на камнях и убился. Похороны назначены на понедельник. Его дочь приедет.

Горох гнусно осклабился:

– Если в башке фарша нет, то и сала не добавишь. Не сиделось ему в своей Германии. Пил бы сейчас баварское пиво, а не лежал в морге.

Из-за угла вынырнул Толян с лукошком на локте. Завидев учителя химии, Вексаных помахал ему рукой. Толян приблизился. Директор школы вздохнул. Наружность и исходив-

ший от Толяна душок были вполне уместны возле пивнушки, но никак не в школе. Самоходный памятник пропащим выпивохам.

– Вы не забыли, Анатолий Николаевич, что завтра начало учебного года? – спросил директор школы сухим тоном. – Надеюсь, вы готовы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.